

Бестселлер *New York Times*
в духе классических
романов Эдгара По

НОЧНОЙ САДОВНИК

#trendbooks_teens

Джонатан Оксье

Trendbooks teen

Джонатан Оксье
Ночной садовник

«CLEVER»

2014

УДК 82-311.3
ББК 84(7Coe)

Оксье Д.

Ночной садовник / Д. Оксье — «CLEVER», 2014 — (Trendbooks teen)

ISBN 978-5-00115-951-3

Кип и Молли бегут из Ирландии в поисках лучшей жизни. В дороге они теряют родителей. Ради еды и крыши над головой они поступают на службу в мрачное поместье Виндзоров. Все местные жители сторонятся этого ужасного места. Полуразрушенный особняк стоит в тени огромного зловещего дерева. А обитатели поместья всегда бледны и болеют. Ночью поместье посещает высокий гость в чёрной шляпе. Он обходит комнату за комнатой, оставляя следы грязи, а потом исчезает. С каждым днём жизнь у Виндзоров становится всё более невыносимой. Кип и Молли уже не отличают реальность от ночных кошмаров. Возможно, они найдут разгадку в тайной комнате, которая всегда закрыта на ключ... а возможно, секрет, спрятанный за зелёной дверью, сделает их заложниками дома навеки.

УДК 82-311.3
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-00115-951-3

© Оксье Д., 2014
© CLEVER, 2014

Содержание

От издателя	6
Часть первая	8
1	8
2	12
3	15
4	19
5	23
6	26
7	28
8	32
9	35
10	39
11	41
12	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джонатан Оксье Ночной садовник

Посвящается Мэри

Воображение моё, куда меня манишь?
Уильям Клеланд

*О первом преслушанье, о плоде
Запретном, пагубном, что смерть принёс
И все невзгоды наши в этот мир...¹*
Джон Мильтон, «Потерянный рай»

*Мы часто будем жалеть, если все наши желания будут
удовлетворены.*
Эзон

Оригинальное название: The Night Gardener
Text Copyright © 2014 by Jonathan Auxier
Published in 2014 by Amulet Books, an imprint of ABRAMS
Illustrations copyright © 2014 Patrick Arrasmith
Book design by Chad W. Beckerman
ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2019

От издателя

Вся эта книга – вымысел. Все герои и места, их имена и названия, как и всё, что с ними происходит, являются плодом воображения автора, а любое сходство с реальными людьми, как живыми, так и умершими, с организациями, событиями или местами является совершенно случайным.

Джонатан Оксье

Часть первая Прибытия

1

Сказительница на распутье

Календарь отсчитал первые мартовские дни, но в воздухе пахло концом октября. Колкие солнечные лучи растапливали последние ледяные корочки на голых ветвях деревьев Ямской Пустоши. От разогретой земли с недовольным шёпотом подымались столбики пара, дремавшие подо льдом ещё с осени.

Среди деревьев угадывались очертания извилистой дороги, которая вела от этой деревни к лесу на юге. По ней мало кто ездил, но сегодня тишину мартовского утра, пахнущего октябрём, нарушал скрежет повозки, с каких обычно продают рыбу. Однако на этой – со сломанным задним колесом и без рыбы – сидели двое детей с огненно-рыжими волосами. Девочку звали Молли, а мальчика, её брата, – Кип. И ехали они прямо к своей смерти.

По крайней мере, именно так говорили Молли те люди, у которых она спрашивала, как доехать до поместья Виндзоров. Девочка задавала этот вопрос не меньше чем на дюжине ферм, но все, кого она спрашивала, бормотали что-то невнятное о Прокислем лесе и наотрез отказывались продолжать беседу.

Тощий пастух, к которому Молли обратилась всё с тем же простым вопросом, расставил ноги, опёрся на посох, медленно оглядел её снизу вверх, как это умеют делать взрослые, и внушительно произнёс:

– К Виндзорам, говоришь? Да я лучше своих овец прям к волку в логово отведу!

– Возможно, вы правы. – Молли изо всех сил старалась быть вежливой. – Но нам очень надо попасть в поместье Виндзоров. Они ждут нас ещё с прошлой недели.

– Ну, так ещё подождут. – Пастух откашлялся и сплюнул на землю. – Я тебе что скажу: забирай мальчишку и возвращайтесь туда, откуда приехали. Нечего в Прокислем лесу делать. – И пастух медленно пошёл в заросли, а овцы с блеянием поплелись за ним.

Молли вздохнула. Ну что ж, третий пастух за час сказал им то же самое. После того как все овцы ушли с дороги и повозка двинулась дальше, Кип спросил сестру:

– Что ещё за Прокислый лес, Молли?

Молли понятия не имела, поэтому сделала удивлённое лицо и воскликнула:

– Как? Кип, да ты чего? В Прокислем лесу растёт только кислятина: лимонные деревья, а внизу – травка-кислица с красными листиками и травка-кислянка с белыми цветочками. А когда летом эти лимоны поспевают, так, знаешь, стоит только зайти в такой лес с молоком – оно сразу прокисает.

Молли говорила бодро, чтобы братишка не подумал, что ей страшно. А страшно ей было.

Вот уже четвёртый день они с Кипом ехали, не останавливаясь. На непокрытую повозку лил холодный дождь. Конь почти не слушался – наверное, из-за того, что Молли не знала его имени. Брату она, конечно, заявила, что везёт их славный скакун по кличке Галилей, но животное, похоже, не пришло в восторг от её выбора. Вообще Молли думала, что дороги в Англии широкие и ровные, а оказалось – они ещё хуже, чем у них дома, в Ирландии. Чёрная мокрая грязь липла везде, где только можно, и сильно забила заднее колесо, которое вчера лишилось трёх спиц. Весь скудный запас пищи был давно съеден – осталась только рыбная вонь.

Кип дрожал даже в пальто.

– Совсем замёрз?

– Не, мне жарко.

Мальчик помотал головой, которая, как только что заметила Молли, была вся потная. У неё сжалось сердце. Кип болел уже несколько недель, и ему почти не легчало. Брату нужна была чистая одежда, какая-никакая постель, тёплая вода и сытная еда. Ему нужен был дом.

Кип уткнулся в рукав, чтобы скрыть кашель.

– А вдруг они правы? Может, нам лучше вернуться в город? Или... домой?

О таком Молли не могла даже подумать. От того места, которое они называли домом, их отделяла целая вечность. Она потрогала брату лоб.

– Вот кто б тебя послушал, так сказал бы, что мама и папа вырастили нытика. Мы скоро будем на месте, пусть хоть вообще никто не подскажет нам дорогу. И мы с тобой честно заработаем на горячую еду и тёплую постель.

Дети долго ехали по пустынной дороге, но в середине дня их ждала неожиданная встреча. Сначала они слышали звук: женский голос тянул звучную, красивую песню, – а вскоре увидели и обладательницу голоса. Посреди развилки сидела карлица – не выше Кипа ростом – и пела в своё удовольствие. Судя по огромному тюку за спиной, перемотанному верёвкой, – бродячая нищенка. В тюке угадывались шляпы, одеяла, лампы и даже вещи поинтереснее: книги, клетки для певчих птиц и факелы. «Как дом у улитки», – подумала Молли.

Карлица скрючилась над странным инструментом с неё размером. С одной стороны у него торчала ручка, и, когда карлица крутила её, инструмент издавал низкие звуки, похожие на мерное жужжание целого пчелиного улья. Молли замедлила ход повозки, чтобы послушать неожиданно мелодичный голос с безопасного расстояния. Песня рассказывала о старике и дереве. А такие инструменты Молли уже видела дома: нищие возле рынка просили с ними милостыню и называли их «хёди-гёди».

– Думаешь, она ведьма? – прошептал ей на ухо Кип.

Молли улыбнулась в ответ:

– Если и ведьма, то неопасная... Смотри, у неё ни одной бородавки! А ведьму сразу узнаешь по бородавкам.

Молли щёлкнула поводьями и подъехала чуть ближе.

– Извините, мэм, мой брат очень хочет знать, не ведьма ли вы?

Карлица продолжала играть, перебирая пальцами клавиши.

– Боюсь, мой ответ ему не понравится, – ответила она, не поднимая головы.

– То есть не ведьма? – уточнил Кип.

Карлица отложила инструмент и внимательно посмотрела на мальчика:

– Не каждая уродливая старуха – ведьма. Я тебе вот что скажу: пройдёт много лет, и твоя милая сестричка станет выглядеть не лучше меня, и вот тогда-то её начнут бояться детишки. – Карлица как-то уж очень зловеще засмеялась, а затем поднялась с земли, что было совсем нелегко сделать с таким огромным тюком за спиной, и присела в реверансе. – Меня зовут Хестер Кеттл. Я сказительница. Хожу тут по округе и продаю свои истории за крышу над головой, пищу и разные интересные вещи. – Женщина повела плечом, и в ответ мелодично звякнули привязанные к тюку вилки и китайские колокольчики.

Молли впервые слышала о таком занятии – сказительница. Но, судя по всему, это была хорошая работа. У неё и у самой лучше всего получалось сочинять и рассказывать истории. Ох, какую историю она наплела, чтобы умыкнуть брата из сиротского дома! А что сочинила, чтобы раздобыть лошадь! И если на новой службе ей станут задавать вопросы, она снова что-нибудь насочиняет. Но что-то в новой знакомой её настораживало.

– Скажите, мэм, а к чему сказительнице забираться в такую глушь, да ещё и пешком?

Карлица пожала плечами, потом стала ковыряться в зубах.

– Я пешком, потому что у меня нет лошади. А в такую глушь я забралась, потому что в этих краях новые истории теперь редкость. Не каждое утро в нашу дыру попадают чуже-

земцы. А уж тем более двое детишек совсем без родителей, да ещё и на украденной повозке для рыбы! – Старуха цокнула языком. – Хорошее начало для истории.

У Молли аж дыхание перехватило, и она еле сдержалась, чтобы не глянуть на брата.

– А с чего это вы решили, что мы украли повозку?

– Так это, дорогуша, у тебя на лице написано.

– Да как вы смее! – взорвался Кип, к удивлению сестры. – Мы не воры! Моя сестра взяла повозку у рыбака, потому что ему она была не нужна: он пошёл служить на флот и бить гигантских осьминогов. Правда, Молли?

Молли робко кивнула.

– Вроде того, – подтвердила она и с мольбой уставилась на карлицу, намекая, чтобы та сменила тему.

– Гигантские осьминоги, говоришь? – Карлица аж присвистнула. – Да, иногда правда поинтереснее выдумок. Извини, девочка, что я выставила тебя перед братом воровкой. И позволь отметить, что вы выбрали очень удачное имя для своего транспорта. – Она подмигнула. – Чувствую прямо, что вам подходит.

Карлица говорила о надписи, сделанной краской на боку повозки: раньше там золотыми буквами в две строки было выведено «Броуди Алан. Рыбный дом», а со временем остались только буквы «Б», «А», «Р», «Д».

– Просто случайные буквы, – отрезала Молли.

Разговор ей не нравился. Карлица смотрела на неё – внутрь неё – так, что Молли не могла сдерживать беспокойства.

– Простите, мэм, но нас с братом ждут с самого утра.

Женщина шагнула вперёд, преградив им путь.

– Вы направляетесь к Виндзорам, правильно?

– А вы их знаете? – спросила Молли, пытаясь скрыть удивление.

– Не совсем. Мы встречались с мистером Виндзором, когда он был не старше тебя сейчас. Лет тридцать назад. Как раз перед тем, как ему, бедняжке, пришлось перебраться отсюда к родственникам в город. – Карлица замолчала и затрясла головой. – А осенью он вернулся и семью притащил... В общем, удивились тут все.

Молли ничего странного не видела в том, чтобы вернуться туда, где ты вырос. Ещё пара недель, и она всё на свете отдаст, лишь бы снова оказаться в Каунти Доне-гол, пусть там хоть вообще будет нечего есть.

– Мы немного заблудились. Спрашивали дорогу у нескольких фермеров, но они все какие-то неразговорчивые...

Хестер Кеттл кивнула и оглянулась на лес за спиной.

– Здешние хотят для вас как лучше. Кому ж охота отправлять двух милых детишек, хоть и заезжих, в Прокислый лес?

– А что в этом Прокислем лесу такого особенного? – уточнила Молли.

– Да в Ямской Пустоши любая собака знает, что в Прокислый лес лучше не соваться. Детям об этом говорят их родители, которым говорили об этом их родители, которым, в свою очередь, ещё их родители говорили. И так до скончания веков.

– То есть вы не знаете, что там такого? – не сдавалась Молли.

– Во-первых, об этом месте много не говорят. Но каждый уверяет, что знает кого-то, кто знает одного безумца, у которого хватило глупости перебраться через реку и зайти в этот лес.

Карлица замолчала, задумчиво теребя полу сшитой из лоскутов накидки.

– Поговаривают, что Прокислый лес меняет людей. Вытягивает наружу самое плохое в них. И ещё кое-что есть. Самое страшное.

Кип подался вперёд:

– А что с-самое страшное?

Молли стиснула зубы и метнула на карлицу красноречивый взгляд. Ещё не хватало, чтобы эта безумная старуха запугивала её брата! Но Хестер, кажется, уловила настроение девочки и улыбнулась Кипу:

– Не верь слухам и пустой болтовне, малыш. Половину этих историй я выдумала сама, чтобы заполнить тарелку супа. У вас всё будет хорошо.

Молли еле заметно кивнула карлице в знак благодарности. Да пусть люди говорят что угодно. Какая бы молва ни ходила об этом лесе, у них есть один-единственный шанс остаться вместе с братом и в безопасности – поступить сюда на службу. А кто ещё возьмёт двух ирландских детей без рекомендаций и опекунов? И если здесь было так уж плохо, то зачем мистер Виндзор перевёз сюда всю семью?

– Так вы покажете нам дорогу? – решила Молли. Хестер задумчиво взялась за подбородок:

– Может, и покажу. Но не бесплатно.

– Денег у нас нет.

Хестер отмахнулась:

– О нет, деньги – это слишком много. Я тебя попрошу, дорогуша, при случае мне рассказать, что там делается. С тех пор как Виндзоры вернулись, вся Пустошь извелась от любопытства. Меня эти истории будут месяц кормить.

– Конечно, обещаю, – ответила Молли.

Карлица сделала шаг в сторону и указала дорогу, уходящую влево.

– Здесь по прямой не больше трёх миль. Идите на шум реки, а на развилке выберите самую заросшую дорогу: в Прокислый лес редко кто ездит. Дойдёте до старого моста – и вы почти на месте.

Молли не знала, можно ли доверять старой карлице, но выбора не было, хоть какие-то указания лучше, чем ничего. Девочка поблагодарила сказительницу, щёлкнула поводьями и направила лошадь к слабо угадывавшейся дороге. Повозка медленно тронулась вниз, а позади карлица вновь затянула свою песню. Чем больше удалялись дети, тем тише становилась тягучая мелодия. А Молли думала, что же их с братом ждёт в Прокислем лесу и какую историю она сможет поведать странной старухе.

Очень хотелось, чтобы история оказалась со счастливым концом.

2

Безмолвный лес

Кип изо всех сил вцепился в скамейку, на которой сидел. Дорога сильно заросла, и повозка буквально продиралась сквозь кусты. Хотя старуха – кто ж поверит, что она не ведьма! – и успела кое-что сказать, было совсем непонятно, как их с сестрой встретит Прокислый лес. Впрочем, сначала дорога в лесу не особенно отличалась от деревенской: и тут, и там – шум ветвей и первая весенняя трава под деревьями. Но чем глубже они продвигались, тем сильнее Кипом овладевал страх. Галилей наверняка тоже чувствовал неладное, потому что ступал всё менее охотно. Кип взглянул на сестру: Молли уверенно смотрела вперёд.

– Ты заметила, как здесь тихо? – шёпотом спросил Кип.

Но Молли была слишком сосредоточена на дороге, чтобы обращать внимание на такую чепуху.

– Ну и что?

Она дёрнула поводьями, чтобы повозка не съехала в яму на краю дороги.

– Здесь нет птиц, нет насекомых, только деревья... – произнёс Кип, вглядываясь в неподвижную бесшумную чащу. – Как будто весь лес затаился и ждёт нас.

Молли промолчала. Кип знал, что сестра везёт его в поместье под названием Виндзор. В городе, в конторе, их нанял туда на службу какой-то тип. Но Молли не говорила, что за место этот Виндзор. Скорее всего, потому что сама не знала, – только он не станет озвучивать свою догадку.

Они ехали в полной тишине, пока не оказались у глубокой реки, которая, точно шрам, пересекала долину. А посреди реки показался остров, заросший деревьями. Целый лес посреди реки.

– Вот! Мы на месте, Кип!

Чтобы не огорчать сестру, Кип изобразил подобие улыбки. Прокислый лес казался ему не более симпатичным, чем остальной пейзаж.

– Наверное, жить на острове будет хорошо. Почти как дома, – сказал он, чтобы приободриться.

Перебраться через реку можно было только по старому мосту, который, казалось, рухнет, стоит на него ступить. Галилей взглянул на мост – и остановился. Конь прижал уши и, фыркая, попятился. Путём уговоров и угроз Молли всё-таки удалось заставить его шагнуть на мост. Конструкция стонала и скрипела под тяжестью повозки, в реку летели щепки от прогнивших досок. Кип старался не дышать.

В центре острова дети увидели лужайку, со всех сторон окружённую высокими мрачными деревьями. Площадка была не ровная, а сплошь усеянная небольшими зелёными пригорками: некоторые доходили до колена, а некоторые – и выше. Дул ветер, и Кипу казалось, что перед ним бегут зелёные океанские волны. На дальнем краю лужайки стоял особняк Виндзоров. Было видно, что дом много лет пустовал и со временем почти слился с пейзажем. Фундамент скрывался за высокими сорняками. Плющ оплёл стены и окна. Черепица кое-где провалилась и поросла тёмным мхом.

Но самым странным было дерево. Огромное. Очень, очень старое. Обычно вокруг больших деревьев царит атмосфера спокойствия и защищённости, за таким деревом хочется спрятаться. За этим деревом – не хотелось. Обычно на дерево хочется залезть и спрятаться в густой кроне. На это – не хотелось. Обычно на большом стволе хочется вырезать ножичком свои инициалы. На этом – не хотелось. В тени этого дерева по всему телу начинала бежать дрожь.

Дерево росло так близко к дому, как будто образовывало с ним единое целое. Корявый сучковатый ствол поднимался вдоль стены, как огромный закопчённый дымоход. Искривлённые ветви шатром укрывали весь дом, а некоторые, кажется, даже проросли сквозь стены.

– Оно как часть дома, – тихо произнёс Кип.

Зачем было строить дом столь близко к такому ужасному дереву? Неужели нельзя было его срубить? Сестра улыбнулась Кипу, притянула его к себе и потрепала по волосам. Кип терпеть не мог, когда она так делала.

– А вдруг нам разрешат повесить на нём качели? Или даже построить шалаш? – предположила она.

Идея строить шалаш в кроне этого дерева не вдохновила Кипа. Он вывернулся из-под руки Молли и соскользнул со скамейки, ловко приземлившись на здоровую ногу. Голова немного закружилась – наверное, из-за того, что он долго сидел, – и ему пришлось прислониться к бортику повозки, чтобы не упасть. Кип нагнулся и достал из-под скамейки костыль.

Этот костыль ему вырезал из сука упавшего вяза отец – ещё дома, на ферме. Он получился удобный, крепкий, толстый и немного пружинил, когда Кип опирался на него при ходьбе. Отец назвал его «Мужество», потому что «любой хороший инструмент должен иметь имя». Кипу нравилось, что Мужество всегда с ним рядом. Он пристроил костыль под левую руку, стараясь не замечать, что тот уже стал немного коротковат ему.

Прихрамывая, Кип обошёл повозку и откинул задний бортик. Там стоял ветхий деревянный сундук, к которому вместо ручек приладили кожаные лямки. В таком пираты вполне могли хранить сокровища, но вместо золотых монет в нём лежала поношенная одежда, больше у Кипа с Молли ничего не было.

– Вообще не понимаю, чего мы сюда притащились. Могли бы и в городе остаться, – проворчал Кип, пытаясь стащить сундук на землю.

Молли спрыгнула с повозки и тоже взялась за сундук.

– Ты бы предпочёл сиротский приют?

– Ещё чего? Я не сирота! – огрызнулся Кип.

Сундук грохнулся на холодную землю, чуть не отдавив Кипу левую ногу, хотя какое это имело значение? Молли на мгновение изменилась в лице. Такое выражение – не совсем понятное для него – Кип заметил у неё во время разговора со старой ведьмой. Когда сестра так смотрела, у Кипа всё внутри сжималось.

Молли чуть присела и улыбнулась брату:

– Конечно, ты не сирота. Но им бы пришлось куда-то нас пристроить, пока мама с папой не вернутся.

Кип старался не злиться. Как же ему хотелось, чтобы родители уже наконец вернулись за ними! Уж они бы наверняка придумали что-нибудь получше, чем наниматься на работу в такой кошмарный дом посреди жуткого старого леса.

– А у меня есть для тебя подарок! – снова заговорила Молли. Она оторвала последнюю пуговицу с пальто и положила между ладонями, будто драгоценный камушек. – Знаешь, что это такое?

Кип сжал челюсти. Он прекрасно понимал, что затеяла сестра, и не хотел больше ей подыгрывать.

– Пуговица, – равнодушно ответил он.

Молли отрицательно мотнула головой:

– Это не просто пуговица, это самая настоящая волшебная пуговица. Она исполняет желания. Смотри!

С этими словами Молли поднесла сложенные ладони ко рту и зашептала:

– Дорогая пуговица! Я хочу... хочу... чтобы прямо сейчас мой любимый братик поцеловал меня в щеку!

Кип не шелохнулся. Ему скоро одиннадцать. Какие ещё поцелуи и волшебные пуговицы? Молли потрясла ладошками.

– Ты меня не расслышала? – сказала она чуть громче. – Я же не прошу всех сокровищ мира, а всего лишь маленький, малюсенький, крохотный...

По опыту Кип знал, что теперь сестра не успокоится, пока он не уступит. Так что потянулся к ней и быстро клюнул в щеку. Молли ойкнула и раскрыла ладошки с пуговицей.

– Получилось! Ура! – закричала она и выпрямилась. Глаза горели от удивления. – Ты видел? Видел? Она работает!

– Могла бы и поинтереснее желание придумать, – буркнул Кип.

– Могла бы...

Сестра взяла руку Кипа и вложила пуговицу ему в ладонь.

– Я отдаю тебе эту волшебную пуговицу, но ты должен пообещать, что будешь загадывать только самые-самые важные желания. И ещё: пообещай не реветь, не ныть и не терять надежду. Мне нужно, чтобы ты был смельчаком. – Тут Молли пожала плечами. – Вернее, мне-то всё равно, а вот Галилею нужно – он у нас трусишка.

Кип посмотрел на коня, а тот фыркнул в ответ.

– Ну что, Кип, постарайся ради меня? – спросила Молли.

Кип со вздохом кивнул. Покрутил пуговицу в руках.

– А может, Галилей не зря боится. Лошади – они умные и всё чувствуют...

– Ой, только не наш конь. Он своё имя запомнить не в силах.

Молли обняла брата за плечи, и они повернулись к огромному особняку Виндзоров. Кип ощутил дуновение ветра и услышал, как застонало дерево, заскрипев ветвями по крыше и стенам. Кип всмотрелся в крону.

– Ты видела?

Его взгляд выхватил какое-то движение за окном второго этажа, занавешенного тяжёлой портьерой: она еле заметно шевельнулась. Кажется, за ней кто-то прятался и тайком наблюдал за ними.

3

Мисс Пенни

Кип получил задание искать стойло для Галилея, а Молли направилась к дому поговорить с новыми хозяевами. Она подтащила тяжёлый сундук к порогу и перевела дух. Столько дней в пути, усталость, голод, холод – и вот она здесь, на месте, которое можно смело назвать её последней надеждой. Молли дала себе слово держать лицо перед братишкой, но теперь наедине с собой лгать было ни к чему. Дом был точно из детской страшной сказки. Не хватало только подъёмного моста и огромного котла, чтобы варить непослушных детей. «Не будь трусихой!» – велела себе Молли.

Молли наняли на службу не сами Виндзоры, а их агент в городе. Агент заметно нервничал и постоянно облизывал губы. Ему явно никак не удавалось найти желающих отправиться работать в такую глушь. Молли была готова наврать насчёт рекомендаций, но он уверил её, что они не потребуются. Главное – добраться до места, и работа её. А чего ещё ей было желать? И вот она на месте.

Молли огладила юбку, ущипнула себя за щёки и заправила волосы за уши. Стараясь казаться как можно выше, она постучала в дверь. *Скри-и-ип...* Дверь едва приотворилась. Молли замешкалась: означает ли это приглашение войти? Она заглянула в щёлку, но ничего не увидела.

– Здравствуйте, – произнесла она в темноту.

– Заходи, если хочешь, – ответил изнутри тоненький голосок. – У нас нет дворецкого, а мне велели не открывать двери, но если ты зайдёшь сама, то это не считается.

Молли вошла и втащила сундук, а затем, захлопнув за собой дверь, поморгала, чтобы быстрее привыкнуть к полумраку. Она стояла в прихожей, некогда весьма величественной.

Воздух здесь был затхлый, точно на чердаке. По углам скопилась пыль пополам с сухими листьями. Со светильников и мебели свисала паутина. Но самым странным было дерево: оно проникло везде. Сучковатые ветви проросли сквозь оштукатуренные стены, толстые корни взбурили паркет, а с высокого потолка, будто огромная мрачная люстра, свисала причудливо искривлённая ветвь. На полу были грязные следы, и Молли нечаянно наступила на один из них. Она взглядела в тёмный коридор.

– Сюда, наверх! – прокричал сверху всё тот же голосок.

Из противоположного конца прихожей широкая резная лестница вела на второй этаж. Наверху за перилами сидела девчонка, очень бледная, черноволосая и в толстых очках. Она смотрела сквозь прутья перил, как заключённый сквозь решётку.

– Что за хромой мальчишка целовал тебя в щёку? – требовательно спросила она.

Молли удивлённо вскинула бровь:

– Этого мальчика зовут Кип.

Девчонка подозрительно прищурилась:

– Он твой муж?

Молли с трудом сдержала улыбку:

– Нет, мисс. Он мой брат.

Девчонка выпрямилась:

– Так нечестно! Папа сказал, что к нам приедут слуги из города, но он не говорил, что один из них будет брат. Ненавижу братьев! От них только вред.

Девчонка на обеих ногах запрыгала вниз со ступеньки на ступеньку. Молли смотрела на неё с облегчением. В доме, где живёт такая малышка, не может быть слишком страшно. Девочка как следует оттолкнулась от последней ступеньки и с грохотом приземлилась прямо перед Молли.

– У твоего Кипа есть железная кружка? – уточнила она, возвращая на место очки, соскочившие с носа от прыжка.

– Что, мисс?

– Железная кружка. В городе, где мы раньше жили, я видела таких мальчиков. Они сидят у дороги, голодные, грязные и несчастные, и просят у прохожих денежки в такие кружки.

Молли сдержала гнев, потому что вопрос был задан по простоте душевной.

– У него есть только одна кружка, такая же, как у тебя, – чтобы пить.

Девочка кивнула, будто показывая, что запомнит её слова.

– Представься! – потребовала она.

Молли присела в поклоне. Девочка явна была одной из Виндзоров, и подружиться с ней не помешает.

– Меня зовут Молли Макконнахи. А вас, мисс?

– Пенелопа Элеонора Виндзор, но можешь звать меня Пенни, как все остальные. Или «мисс», как ты уже меня называла. Так тоже правильно. Мне скоро исполнится семь. А сколько тебе лет?

Молли задумалась. Агенту она соврала о возрасте и совсем не была уверена, что новым хозяевам следует знать, как мало ей на самом деле лет. Она приложила руку к груди и с притворным ужасом произнесла:

– Мисс Пенни, леди нельзя рассказывать, сколько ей лет.

Девочка растерянно потупилась:

– А я не знала... Наверное, и мне нельзя было признаваться, сколько мне лет. А давай притворимся, что ты сама догадалась?

Пенни быстро посмотрела на сундук, затем снова на Молли:

– Ты правда будешь жить с нами?

Молли кивнула:

– Полагаю, что да, мисс.

– Я бы очень этого хотела. Ты не представляешь, какая здесь *скукота*. Меня Алистер этому слову научил. Оно значит, что здесь совсем нечем заняться.

Пенни шлёпнулась на пол рядом с сундуком и взялась за кожаные ремни:

– В городе, в нашем старом доме, у нас было столько всего интересного: и украшения, и серебряные чайнички, и китайские фигурки. – Пенни обвела взглядом дом. – А здесь только пауки с паутиной и гадкие братья.

Пенни расстегнула застёжки на ремнях и откинула крышку сундука. Её взгляду предстала куча поношенной одежды.

– Могу я узнать, что вы делаете, мисс Пенни? – поинтересовалась Молли.

– Роюсь в твоём сундуке.

Девочка стала по одной доставать вещи – не найдётся ли чего поинтереснее, – бегло осматривала каждую и отбрасывала в сторону. Её внимание привлекло нижнее бельё, лежавшее на самом дне. И вот уже через мгновение она напялила на голову нижнюю юбку, точно индейский вождь шапку из перьев.

Молли оглянулась, не идёт ли кто. Меньше всего ей хотелось, чтобы знакомство с новыми хозяевами состоялось, когда по всему холлу разбросано её исподнее. Похоже, слово «нельзя» Пенни не особо жаловала. Тут придётся быть похитрее.

Сколько Молли себя помнила, главным её даром был дар убеждения. Конечно, никаких волшебных заговоров она не знала, но вот уговорить любого поверить в волшебство, хоть на мгновение, могла. Родители учили её бережно относиться к своему таланту.

– Знаете что, мисс Пенни, – заговорила она, присев на корточки рядом с девочкой, – там, откуда я родом, считается очень плохой приметой надевать на голову чужие вещи.

– А откуда ты родом? – незамедлительно поинтересовалась Пенни, глядя на неё сквозь дырку в чулке.

Молли ответила самым равнодушным тоном:

– Да так, с одного волшебного острова.

Пенни выпустила чулок из рук:

– Не верю.

Молли сделала вид, что ничего не слышала. Она, тихонько напевая себе под нос, принялась собирать разбросанную одежду. Пенни подняла чулки и тоже положила в сундук.

– С волшебного-преволшебного? – спросила она, подсев поближе.

Молли перестала напевать:

– Ага, но не просто волшебного. Он весь сделан из изумрудов. – Молли села на пол и похлопала себя по коленкам. – Садись ко мне, я тебе всё расскажу.

В следующее мгновение Пенни, забыв о сундуке, уже сидела у Молли на коленях, а та забрасывала в сундук оставшиеся вещи и отвечала на расспросы малышки. «Там живут феи?» – «Их больше, чем кажется». – «А люди умеют летать и показывать фокусы?» – «Конечно, но никто этим не хвастается». – «А ты видела настоящее чудище?» – «Да, но маленькое – не больше лягушки».

С каждым ответом глаза Пенни становились всё больше, очки лишь усиливали этот эффект. Через несколько минут рассказы Молли совершенно укротили малышку, и та воодушевлённо щебетала у неё на коленках о том, как хотела бы побывать на острове и повстречаться с настоящими чудищами.

– Мы наловили бы феечек, посадили бы их в кувшин и кормили чудищами. И у нас были бы свои домашние феи! – болтала она.

Затем, замолчав, повернулась к Молли, и лицо её озарилось внезапной догадкой.

– Ты такая рыжая, потому что жила на волшебном острове?

Молли ничего подобного пока не приходило в голову.

– Думаю, вы совершенно правы, мисс, – ответила она, заправляя за ухо рыжую прядь.

Пенни посмотрела на свои чёрные волосы:

– Вот бы и мои волосы стали волшебными! А то мама заплетает их, заплетает, привязывает яркие ленточки, а они всё равно страшные и скучные...

Молли вынуждена была признать, что девочка права. Две тонкие чёрные косички свисали по бокам головы Пенни, как два безжизненных ивовых прутика. Но что толку ненавидеть то, что нельзя изменить? Она сложила в сундук последнюю вещицу и с улыбкой взяла косичку Пенни.

– Да ведь у тебя самые настоящие волшебные волосы! – сказала она, изучая чёрную косичку, как ювелир драгоценный камень. – Ты знаешь, кто такая царица Клеопатра?

Пенни отрицательно мотнула головой. Молли улыбнулась:

– Клеопатра считается самой красивой женщиной из всех, что жили на земле. Волосы у неё были чёрные-чёрные, совсем как твои. И любой мужчина, кто её видел, сразу же влюблялся. И даже сэр Ланселот влюбился.

– Я такого не знаю.

– А Робин Гуда знаешь? – Молли предприняла вторую попытку.

Глаза у Пенни расширились от удивления.

– Правда? И он тоже? А ещё кто?

Молли склонилась и прошептала девочке на самое ухо:

– Только никому не говори, что это я тебе сказала. Ходят слухи, что даже сам архиепископ Кентерберийский.

Пенни ойкнула и прикрыла рот ладошками.

– Разве архиепископ может влюбиться? – произнесла она с удивлением.

– Ни за что и ни при каких обстоятельствах! – раздался голос у них за спиной.

Молли обернулась: в коридоре стояла высокая женщина. Чёрные волосы стянуты на затылке в тугий узел, кожа фарфорово-бледная, совсем как у Пенни, а на лице написано крайнее недовольство.

– Мама! Мама! – Пенни вскочила с коленок Молли и подбежала к женщине. – Это Молли! Она с волшебного острова! Она будет жить с нами! У неё есть брат, но она мне так нравится! Нравится-нравится! – затараторила малышка. Цепляясь за длинную юбку, она вскарабкалась к матери на руки. – Я никогда-никогда ничего так не хотела! Давай её оставим! Ну давай-давай!

Молли поднялась на ноги и, опустив глаза в пол, присела в поклоне:

– Если вам будет угодно, мэм.

Женщина стояла с прямой спиной, сложив руки на груди.

– Разве похоже, что мне будет угодно? – холодно парировала она.

4

Прислуга

Молли стояла у стены кухни особняка Виндзоров. В кухне была большая кладовка, кирпичная печь, кухонный лифт и два чёрных хода. К Молли жался Кип, которого позвали с улицы. Перед ними взад и вперёд вышагивала Констанция Виндзор: спина идеально прямая, руки сцеплены в замок перед собой.

– Мы с тобой знакомы? – спросила она Молли и уставилась на неё в ожидании ответа.

– Нет, мэм, – ответила та.

Женщина остановилась, смахнула с кружевной манжеты невидимую пылинку. У неё за спиной стояли двое детей – Пенни и мальчик постарше, всем своим видом показывавший, как ему скучно.

– А когда ты проникла на мою территорию, ты слышала, как я поздоровалась с тобой и пригласила войти?

– Нет, мэм, – ответила Молли, не в силах побороть дрожь в голосе. Она чувствовала на себе взгляд брата, который не понимал, что происходит. Молли нащупала его ладонь и легонько пожала.

– Интересно! – Констанция крутанулась на каблуках, чтобы нанести очередной удар. – Мне интересно, почему тогда я обнаруживаю тебя в собственном доме, хотя я тебя не приглашала? И ты уже распаковала вещи и рассказываешь моей дочери какие-то небылицы про чудищ и влюблённых священников!

Констанция не задавала вопроса, но, казалось, ждала от Молли ответа. Молли переступила с ноги на ногу; через дырку в подошве правого башмака проникал холод от каменного пола.

– Это была просто сказка, мэм. У меня не было злого умысла.

Пенни, до этого сидевшая на столе на безопасном расстоянии, соскочила на пол:

– Мапочка, так нечестно! Это я её пустила!

Констанция метнула на Пенни строгий взгляд, и та вновь забралась на свой насест. Женщина задумчиво поправила волосы и медленно заговорила:

– Я думаю, ты прекрасно осознаёшь, как это выглядит с моей точки зрения.

Молли открыла рот, чтобы ответить, но не смогла произнести ни слова. В данный момент она вообще ничего не осознавала. За последние полчаса всё, что она знала об этом доме – вернее, думала, что знает, – перевернулось с ног на голову.

– Простите, мэм, – наконец выговорила она. – Наверное, это недоразумение. Нас наняли на работу в городе от имени вашего мужа, мистера Виндзора.

– Наняли? – Констанция Виндзор скривилась. – Полагаю, что ты, агентство и мой муж – все совершили ошибку. Я ему неоднократно говорила, а теперь и тебе повторю: я не желаю видеть в своём доме прислугу, я в ней не нуждаюсь. Я прекрасно справляюсь с домом сама.

В другой ситуации Молли бы восхитилась женщиной, столь откровенно идущей наперекор мужу. Но сейчас ей казалось, что перед ней разыгрывают дурную комедию. Стоило только посмотреть на помещение, где они находились, чтобы понять: эта женщина понятия не имеет, как вести хозяйство. На полу лежал толстый слой пыли и сажки. На стенах цвела плесень. Повсюду валялись объедки, на столах красовались пятна от пролитого супа. В мойке высились гора немытых сковородок и тарелок. Всю жизнь Молли помогала матери драить кухню, поэтому прекрасно знала, как выглядит дом у хорошей хозяйки. Здесь хозяйки словно не было.

– Я говорю, их обоих надо арестовать и посадить в тюрьму. Они грязные и воняют рыбой.

Это заговорил мальчик, облокотившийся на стол позади Пенни. Он был примерно одного возраста с Молли. Как Пенни и Констанция, бледный и черноволосый. Но, в отличие от них, он

был уродлив. Всё лицо покрывали оспины, а брови над глубоко посаженными глазками срослись в одну чёрную линию. Он ковырялся в кулке с жевательными конфетами, явно пытаясь набрать и засунуть в рот как можно больше сладостей сразу.

Констанция повернулась к нему. Сложно было понять, что выражает её лицо.

– Алистер! Что я говорила тебе насчёт сладостей до обеда?

Мальчишка закатил глаза и выплюнул целый комок жёваного ириса обратно в кулёк. С одной стороны, зрелище было отвратительным, а с другой – это была еда, поэтому Молли не могла оторвать от него взгляд.

– Вам повезло, что не в моих силах последовать совету сына, – продолжила Констанция. – В этом Богом забытом месте нет полиции. Если вы немедленно покинете мой дом, мы будем считать инцидент исчерпанным. Как видите, дети, за которыми надо присматривать, у меня и так есть. Не сомневаюсь, что вы с братом найдёте работу в городе.

Кровь прилила к щекам Молли. Неужели эта женщина думает, что они отправились бы в такую даль, если бы могли найти работу в городе? Молли неделями стучалась во все двери – в поисках сначала работы, потом еды, затем хоть какого-то сочувствия. И всегда получала один и тот же ответ: такие, как она, никому не нужны.

– В городе нет работы, – сказала она. – Нет для нас. Если вам жалко денег, мы готовы трудиться за еду и крышу над головой, нам не нужна плата...

Констанция прервала её.

– А нам не нужны твои одолжения! – произнесла она таким тоном, что Молли отпрянула: кто говорит об одолжении?

– Мэм, ваша семья ведь жила до этого в городе. Вы ведь выходили на улицу после захода солнца и знаете, какая работа выпадает на долю таких, как мы, кому не на что больше надеяться. Если бы вы знали, что мы пережили за эти недели, через что прошли... – Молли могла бы сказать ещё больше, но рядом стоял Кип. Она покачала головой, в глазах блеснули слёзы. – У моего брата слабое здоровье. Он сам очень слаб. – Молли знала, что Кип возненавидит её за эти слова, но выбора не было. – Пожалуйста, дайте нам шанс.

Констанция долго изучающе смотрела на Молли.

– Сколько тебе лет, девочка? – спросила она смягчившимся голосом.

– Мамочка! – в ужасе воскликнула Пенни. – Неужели ты не знаешь, что настоящую леди не принято спрашивать о возрасте?

Констанция пропустила упрёк дочери мимо ушей и ждала ответа. Молли опустила голову:

– Четырнадцать, мэм.

Агенту в городе, который нанимал её на работу, Молли соврала, что ей шестнадцать.

– Я знаю, что это мало, но клянусь, я буду работать за десятерых взрослых. Мы с братом выросли на ферме и привыкли к тяжёлому труду. Я всегда вела хозяйство, а Кип может выращивать что-нибудь. У него десять пальцев на руках, под которыми всё расцветает, и десять пальцев на ногах в придачу. Дайте ему месяц, и вы получите свой личный райский сад.

– Я вам точно говорю, – подтвердил Кип, выпрямившись, чтобы казаться выше.

Молли улыбнулась и потрепала его по голове. Во взгляде, которым смотрела на них Констанция, читалась боль. Кажется, впервые за всё время она осознала, какая ноша лежит у Молли на плечах.

– Четырнадцать... – повторила она сама себе. – А где ваши родители?

Молли посмотрела на Кипа, затем на Констанцию. Что же ей сказать, чтобы та поняла?

– Мама с папой немного задержались по пути из Ирландии. Поэтому мы сами.

– Боже мой, надеюсь, с ними не случилось ничего страшного.

Если бы Молли была наивнее, то подумала бы, что женщина искренне сочувствует.

– Ещё как случилось! – вмешался Кип.

Констанция удивлённо вскинула бровь. В горле у Молли пересохло.

– Знаете, мэм, судьба так распорядилась... их... наших родителей... их похитили пираты.

– Они вынудили их вступить в команду! И даже заставили ходить по доске с завязанными глазами! Как святого Патрика! – выдал Кип с гордой улыбкой.

– Какое приключение! – ответила Констанция, только теперь в её голосе сквозил холод.

Молли хотела объясниться, сказать, что и не думала издеваться, но лишь смотрела на Констанцию, взглядом пытаясь показать, что не может произнести правду вслух.

– Пожалуйста, мэм, – удалось ей выдать из себя. – Нам больше не к кому идти.

Констанция моргнула и покачала головой:

– Ты не понимаешь, о чём просишь, девочка. В этом доме вам не место.

Эти слова она произнесла ровным тоном. И на мгновение Молли показалось, что и сама хозяйка не хотела бы здесь находиться. Опустив глаза в пол, Констанция прошла мимо Молли к входной двери и распахнула её:

– До наступления темноты вы должны покинуть этот дом.

Молли посмотрела на окрестности сквозь дверной проём. Ледяной ветер ворвался внутрь дома и проник под тоненькое пальтишко, пронзив до самых костей. Кип крепче вцепился в костыль и прижался к сестре, стараясь скрыть дрожь. Но даже в таком виде он весь воплощал мужество.

– Подождите! – сказала Молли, повернувшись к Констанции. – Мы уйдём, мэм, раз вы так хотите. В дикий лес, не возразив ни слова. Но перед этим послушайте меня, пожалуйста!

Если бы в этот момент женщина смотрела на Молли, то, возможно, заметила бы, как в её зелёных глазах блеснули две искорки.

– Думаю, ты собираешься сказать, что у меня нет сердца?

Молли покачала головой:

– Нет, мэм, я собираюсь рассказать вам одну историю.

Молли набрала в грудь воздуха, отогнала от себя страх и усталость и все силы направила на женщину, стоявшую перед ней, – женщину, которая, как и любой человек, страстно желала вновь воскресить моменты, когда всё было хорошо.

– Представьте, что вы просыпаетесь утром. Обычное утро, но есть в нём что-то непривычное. Сначала доносится чуть слышный звук, еле уловимый свист. Но вот звук нарастает. Да это же кипит на плите чайник – пора пить чай.

Молли говорила с особым гипнотическим ритмом, и казалось, что слышится, как уютно свистит на плите чайник.

– Вы открываете глаза и видите, что комната наполнена тёплым солнечным светом, ведь шторы уже раздвинуты, а за ними – огромное окно. Вы потягиваетесь в постели, зеваете, вдыхаете чистый воздух. Выглаженная одежда ждёт вас. А на прикроватном столике – букет свежих цветов из сада. Вашего сада.

Молли заметила, как Констанция закрыла глаза и потянула ноздрями воздух, будто желая уловить аромат летнего букета, пока ещё не существующего.

– Вы садитесь на постели и по восхитительным запахам понимаете, что на сковородке жарится бекон, а в печи поспевают вкуснейшие булочки. И вдруг... вдруг в дверь стучат... – Молли умолкла.

– И? – отозвалась Констанция через пару мгновений.

Молли пожала плечами:

– А продолжение вы услышите завтра.

Констанция поморгала, огляделась, будто впервые увидела кухню. Она посмотрела на грязный пол, на заляпанные столы, нечищенные кастрюли и, наконец, на собственных детей, притаившихся у плиты.

– Ты нам никогда не жарить бекон, – пробормотал Алистер.

Пенни соскользнула со стола и подскочила к маме, сложив в мольбе ладошки.

– Мам, мамочка, ну пожа-а-алуйста, – заканючила она. – Пожа-а-алуйста... пусть остаются...

Молли улыбнулась малышке, ведь та готова была принять её ещё до того, как этого захотели все остальные. Она обняла Пенни за плечи и посмотрела на Констанцию. Та покачала головой и глубоко вздохнула. Захлопнула заднюю дверь.

– Вы приступаете к работе с сегодняшнего вечера, – сказала она и, поморщив нос, добавила: – Но сначала вымойтесь.

5

Портрет молодой леди

Пусть Молли и удалось растопить сердце Констанции Виндзор своим рассказом, но волшебного эффекта хватило ненадолго. Дом и окрестности она показывала Молли с непроницаемым лицом.

– Завтрак в восемь. Чай в одиннадцать. Ужин в шесть, – отдавала она краткие указания, быстро переходя из комнаты в комнату на первом этаже. – Перед каждым приёмом пищи на столе должна быть свежая скатерть. Готовить будешь по рецептам, которые я тебе дам. Читать-то ты умеешь?

Молли заставила себя сдержаться.

– Достаточно хорошо, мэм, – ответила она, откинув с лица прядь ещё влажных волос.

Впервые за долгое время ей удалось помыться. И пусть холодной водой, зато как приятно было чувствовать себя чистой! Молли надела старенькое платье горничной, хозяйка которого явно была на несколько лет постарше и на несколько фунтов потяжелее. Она поправила передник и поспешила за Констанцией в холл.

– Как видишь, я не успела как следует распаковать наши вещи после переезда, – сообщила женщина, махнув рукой на мебель и корзины у стены. – Займись ими.

– Да, мэм.

Эта фраза очень быстро стала универсальным ответом на почти все приказы новой хозяйки. Даже если Молли хотелось уточнить что-то, она просто-напросто не успевала это сделать, потому что Констанция Виндзор передвигалась по дому с огромной скоростью.

– Ночные горшки должны быть вымыты к десяти.

– Да, мэм!

– Полы скоблить дважды в неделю.

– Да, мэм!

– Серебро начищать раз в месяц!

– Да, мэм!

«Да, мэм! Да, мэм! Да, мэм!» – повторяла и повторяла Молли, пока эти слова не впечатались в её память. Уж точно «Да, мэм!» будет ей сниться и молотом отдаваться в голове.

– А что там, мэм? – спросила Молли, указывая на невысокую зелёную дверь на верхнем этаже, мимо которой Констанция прошагала молча. Если все остальные двери запирались на обычную щеколду, то на этой красовался внушительный замок – такие обычно ставят на сейфы и кладовые.

– Не имеет значения. Кажется, у нас даже ключа от неё нет, – ответила Констанция и махнула рукой в сторону грязных следов возле одной из спален. – И вот эту грязь отмой, когда время будет.

Хотя Констанция держалась строго, её утончённые манеры нравились Молли. До этого девочке не представлялась возможность общаться с людьми из высшего общества, и наблюдать за новой хозяйкой было всё равно что подглядывать за ними в замочную скважину. Она носила не просто добротню сшитую, но и красивую одежду. Юбка из тёмной ткани спускалась на пол правильными складками, идеально подчёркивая стройную фигуру, и была ровно такой длины, чтобы чуть-чуть не доставать до пола. Шею и запястья украшали драгоценные камни – такие Молли видеть ещё не приходилось. Каждое её движение было полно изящества. «Будто ожившая картина», – подумала Молли.

На фоне дома красота и утончённость Констанции Виндзор казались какими-то неуместными. В полуразрушенном, запущенном особняке она чувствовала себя явно не на своём месте, и обронённые вскользь фразы о прошлой жизни выдавали тоску по ней. Но даже

несмотря на всё это, Констанция пыталась вести с Молли некое подобие непринуждённой беседы. Только у неё не очень получалось.

– Твой брат давно калека? – спросила она, поднимаясь по лестнице.

Молли сжала зубы и попыталась ответить без раздражения в голосе:

– Он таким родился. С больной ногой.

Констанция презрительно махнула рукой:

– Ладно, не важно, чем он болеет. Пусть спит в конюшне, чтобы мои дети не подцепили заразу.

Молли замерла на ступеньках:

– В конюшне, мэм?

Брат никак не выздоравливал, ему нужно было спать в нормальной тёплой постели, а не в стойле с животными.

– Ну или на чердаке, если ему там больше понравится.

– Кипу всего десять лет, мэм, – осмелилась произнести Молли, хотя понимала, что делать этого нельзя. – Внизу, в комнатах для слуг, столько кроватей, неужели ему нельзя занять одну из них?

Констанция обернулась к ней:

– Это не обсуждается. В нашем доме боятся болезней – у нас есть на то причины. Болезнь далеко не в первый раз хозяйничает под нашим кровом...

Молли вдруг вспомнила историю, рассказанную старой карлицей. О том, как мистера Виндзора ещё мальчиком отослали в город. «Ещё кое-что есть. Самое страшное», – сказала тогда старуха.

– И вот что, Молли, – продолжила Констанция, приблизившись к девочке. – Я не привыкла, чтобы мои приказы оспаривали. И если в твою голову ещё раз просто придёт мысль мне возразить, то ты и рта раскрыть не успеешь, как снова окажешься с братом на холодной и сырой улице. Достаточно ли ясно я выражаюсь?

– Да, мэм, – ответила Молли с пылающими щеками.

Констанция широко улыбнулась:

– Великолепно. Следуй за мной.

Когда наконец Констанция Виндзор закончила показывать Молли дом, уже почти стемнело. Они пришли в библиотеку на втором этаже – огромное помещение, где вся мебель была накрыта посеребрившими от времени и покрытыми заламами парусиновыми чехлами.

– Муж проводит много времени в городе, поэтому кабинет пустует, – пояснила Констанция. Она раздвинула тяжёлые портьеры, впустив в помещение свет с улицы. – Как видишь, здесь необходимо вытереть пыль.

Казалось, в библиотеку очень давно никто не заглядывал. Вдоль стен под самый потолок уходили стеллажи с книгами. Молли, которая всегда мечтала стать обладательницей такого бесценного сокровища, как книга, захлестнул восторг.

– Капитан Виндзор – учёный, мэм?

– О боги! Учёный? Нет, конечно! – Констанция ответила так, будто её спросили, не выступает ли её супруг в цирке. – Все эти книги принадлежали отцу Бертрана. Я бы сказала, он был немного странным человеком.

За окном взвыл ветер, и от сильного порыва по стеклу стукнула толстая ветка. Молли отпрянула от окна. Ей казалось, что, куда в доме ни глянь, повсюду это дерево.

– Мэм, я могу попросить брата срезать несколько сучьев. И заделать стены там, где дерево повредило их.

– Если бы всё было так просто! – быстро ответила Констанция. – К сожалению, дерево растёт слишком близко к дому. Боюсь, если его побеспокоить, оно может повредить фундамент.

– Что вы, можно срезать пару сучьев, ничего страшного...

Констанция не дала Молли договорить.

– Ни при каких обстоятельствах ни ты, ни твой брат не должны трогать дерево. Тебе ясно? – произнесла она ледяным тоном.

– Да, мэм.

Краска вновь залила ей лицо. Она ведь просто хотела помочь. Стоило хозяйке на мгновение стать человечнее, как вдруг без видимых причин она вновь начинала злиться. Молли сделала вид, что изучает библиотеку, лишь бы Констанция не видела, как глубоко она расстроена.

Взгляд её остановился на портрете. Портрет был огромный, почти с Молли в высоту. Он стоял на каминной полке – ждал, пока кто-нибудь удосужится его повесить. Роскошная золотая рама была укрыта белой тканью. С одной стороны ткань сползла, как туника с плеча античной статуи, и можно было видеть, что на портрете изображено семейство Виндзоров: Констанция, Алистер, Пенни и мужчина – наверняка мистер Виндзор. Только эти четверо были не той семьёй, к которой Молли поступила в услужение. С картины на неё смотрели круглые лица со здоровым румянцем, ярким живым взглядом. Волосы у Виндзоров были не чёрные – лица членов семьи обрамляли каштановые кудри. Молли разглядывала портрет и не знала, что думать. Художники часто льстили тем, кого рисуют, но здесь дело было совсем в другом.

– Что случилось? – поинтересовалась Констанция, пристально глядя на девочку.

Молли посмотрела на женщину, стоявшую рядом: те же рот, нос, глаза, только кожа утратила цвет. А некогда голубые глаза превратились в два чёрных омута. И сама она как-то суше, тоньше, чем на портрете.

– Это вы, мэм? – осторожно спросила Молли.

– Ну а кто же ещё, милая? Мы заказали этот портрет летом, как раз накануне переезда сюда.

Летом? У Молли в голове не укладывалось, что за несколько месяцев её хозяйка так изменилась. Констанция напряглась под взглядом девочки. Провела рукой по чёрным прямым волосам.

– Не пора ли тебе готовить ужин? – бросила она и направилась к выходу.

Молли задержалась у портрета ещё на несколько мгновений. По дому гулял сквозняк, ветви дерева стучали по стёклам, будто просились внутрь. Молли на шаг отступила от портрета. Всмотрелась в изображённых там людей. Все четверо улыбались, довольные и пышущие здоровьем. С семьёй Виндзоров происходят какие-то зловещие перемены, а они даже не замечают их. Молли укрыла раму сползшей тканью и вышла из библиотеки.

6

Силуэт в тумане

Комнаты для слуг располагались в цокольном этаже. Молли разрешили выбрать любую, и она остановилась на той, где было меньше всего паутины и целая кровать. Кроме этих скромных благ цивилизации комната могла похвастаться только сыростью и пустотой. Из мебели в ней имелись лишь шкаф для одежды и небольшой туалетный столик, над которым висело зеркало. По потолку ползла плесень. Кое-где корни дерева пробили стены и образовали под обоями причудливый узор, напоминающий сетку вен на человеческих руках.

Вся семья Молли всегда спала в одной комнате, поэтому мысль о том, что теперь она будет жить одна, пугала её и приводила в трепет. Но девочка быстро переделалась ко сну и составила в уме список дел, которые нужно выполнить прямо с утра. Как же приятно было думать о том, что слово «утро» не несёт больше неопределённости и не внушает ужас: сколько же раз она отправлялась спать с пустым желудком и тяжёлым сердцем!

Наверху в прихожей старинные напольные часы пробили двенадцать раз. Полночь. Будто дождавшись сигнала, в темноте застонал ветер. Отозвались скрипом деревянные балки – дом вздохнул, когда ветер проник внутрь сквозь трещины в стенах. Кровать Молли стояла прямо под окном – достаточно большим, чтобы в него мог пролезть человек. Девочка взяла лампу и, поставив её на подоконник, трижды заслонила ладонью огонь – так сигналият друг другу моряки на повстречавшихся в море кораблях.

Через несколько минут в окно кто-то тихонько поскрёбся. Молли распахнула створку: внизу в самой грязи сидел на корточках Кип. От ветра волосы у него на голове стояли дыбом.

– У-у-у, – завыл он.

– Тоже мне «у-у-у»...

Молли втащила внутрь костыль и прислонила его к оконной раме. Затем подхватила брата под мышки и помогла ему залезть в окно.

– И не забудь, как мы договаривались: просыпаешься и уходишь отсюда до рассвета, пока никто не встал.

Девочка прекрасно понимала, что нарушать приказ хозяйки очень опасно. Но Кипу было просто необходимо спать в тёплой и сухой постели.

– Эй, а разуться? – вскрикнула она, но было поздно: Кип уже бухнулся на постель. – И в следующий раз закрывай за собой окно, а то листья налетят.

Кип раскраснелся и тяжело дышал. Он покосился на тёмное окно за спиной.

– Я пока к тебе шёл, за мной кто-то следил. Зуб даю! – выпалил он и плотно закрыл раму на шпингалет. Затем слез на пол.

Молли стелила постель.

– Ну ты сказал ему прекратить? – поинтересовалась она.

– Я вообще-то не шучу. – Усевшись на пол, Кип стащил с себя ботинки и теперь принялся за брюки. – Я ждал в конюшне, пока ты дашь мне знак. А тут ветер налетел, сразу темно стало: ни тебе звёзд, ни луны. Вижу: ты меня зовёшь. Ну я и пошёл. И на полдороге чую, у меня волосы на загривке дыбом встали. Понимаешь, сестра, я его почувствовал, он прямо у меня за спиной был. Тогда я обернулся, а там, в тумане... – Кип неопределённо покачал головой. – На секунду мне показалось, что я видел того, кто за мной следит.

Молли усердно застилала постель, стараясь не выдавать волнения. Ведь это из-за неё Кипа преследуют такие страхи. Это она забила ему голову призраками, ведьмами и гигантскими осьминогами.

– Ты же сказал, там было совсем темно. Что ты мог видеть в темноте?

– А я тебе говорю, что видел! – решительно ответил Кип, натягивая ночную рубашку. – Высокий такой, очень высокий, одежда чёрная и высокая чёрная шляпа на голове. Я только несколько шагов к дому сделал, снова оглянулся, но он исчез.

Молли помогла брату лечь в постель, застеленную свежим бельём.

– Он, наверное, посмотрел на твоё свирепое лицо и испугался, – ответила она.

– Я не шучу, Молли! – не унимался Кип. – Здесь, в этом месте, что-то не так. Ты посмотри, какие все бледные, это же странно.

– Кип, да все англичане так выглядят.

Как же хорошо, что она не успела разболтать ему про портрет в библиотеке. Ни к чему добавлять ещё один повод для беспокойства.

– Мы привыкнем.

Молли задула лампу и легла рядом с братом. Она смотрела на потолок, пока глаза привыкали к темноте. Среди теней она различила место, где толстый корень проник сквозь перекрытие и теперь виднелся между деревянными балками. Столько недель борьбы, и вот они с Кипом в тёплой постели, в безопасности. Но почему ей никак не удаётся избавиться от мысли, что им здесь не место?

– Молли, – шёпотом позвал брат; он держал в руках пуговицу, которую она вручила ему утром, – почему они отправились в кругосветное путешествие без нас?

Молли приподнялась на локте:

– Ты же знаешь не хуже меня, Кип. Родители не хотели, чтобы нам было тяжело.

– Или чтобы мы утонули, – вздохнул мальчик.

– Или чтобы мы утонули, – повторила Молли, проглотив комок в горле.

Кип повернулся к сестре. В глазах у него сверкнули огоньки, которые загораются у любого мальчишки, почуявшего приключения.

– А как ты думаешь, они уже видели драконов?

– Я просто уверена. В океане полно драконов. Может, если мы будем вести себя хорошо, они нам одного привезут, – сказала Молли и посмотрела на брата очень серьёзно. – Но сейчас у нас есть задача поважнее.

– Это какая?

– Крепко спать, – с улыбкой ответила девочка и поправила на нём одеяло.

Кип наверняка возмутился бы такой заботе, но сон уже наполовину сморил его. Молли давно заметила, что на детей в определённом возрасте даже мысль имеет сильное влияние. Не успела она сказать брату о сне, как он уже задремал: прямо на её глазах опустил потяжелевшую голову на подушку, задышал спокойнее и размереннее. Пальцы разжались – на ладони лежала «волшебная» пуговица.

Молли повернулась на спину и закрыла глаза. Впервые за долгие недели она расслабилась и поддалась усталости. Всё тело болело: руки, ноги, каждая косточка, даже волосы на голове. Молли слишком вымоталась, чтобы думать о бледном семействе, кошмарном дереве или о странном портрете в библиотеке. Она настолько устала, что даже не слышала, как внизу открылась дверь и раздались чьи-то тяжёлые шаги...

7

Сладость или гадость

Кип проснулся и ушёл, как только рассвело. Крепкий сон и два нормальных приёма пищи – и он воспрял духом. Даже левая нога, которая всегда болела с утра, беспокоила его не так сильно. Молли сказала, что мистер Виндзор возвращается в конце недели, а значит, если Кип усердно поработает, он успеет привести в порядок лужайку перед домом.

Первым делом мальчик принялся за плющ, который разросся на весь фундамент особняка. Кип подстриг зелень по бокам дома и с задней стороны, хотел было заняться фасадом, где росло дерево, но оказалось, что делать там нечего, будто невидимая рука убрала все лишние заросли. Закончив с плющом, Кип наколот немного дров, приладил дверцу конюшни и вымел стойло Галилея.

Кипу нравилось работать на свежем воздухе. Он вспоминал времена, когда помогал отцу вести дела на ферме на берегу моря. Ферма у них была маленькая: несколько животных, огород, большая грядка картофеля – но папа один не управился бы. Кип часто думал: а если бы он был сильнее, если бы он был обычным здоровым мальчишкой, получилось бы у них с отцом сделать их ферму по-настоящему богатой или нет? Тогда семье не пришлось бы уезжать из Ирландии на поиски работы и они не жили бы в разлуке.

Время близилось к полудню. Кип тягал воду из колодца для Галилея, когда услышал доносящийся со стороны дома плач.

– Но, Алистер, я же испорчу своё любимое платье! Кричала девчонка, Пенни. Напротив неё, прислонившись к дереву, стоял старший братец.

– Об этом надо было думать до того, как ты согласилась на мою игру, – равнодушно произнёс Алистер. – Полезай, а то получишь двойное наказание.

Хулиганы встречались Кипу не раз, и он с первого взгляда определил, что Алистер весьма преуспел в деле издевательства над беззащитными и получал особое удовольствие, когда обижал слабых. Покажи такому паутину – он обязательно её порвёт. Покажи гнездо – он непременно его разорит. Покажи ему хромого мальчишку...

Кип решил не думать, что тот сделает. До сих пор он с успехом избегал встречи с Алистером, что было нетрудно: младшие Виндзоры в основном играли дома, а если даже и выходили на улицу, то холмики как естественная преграда разделяли их и Кипа, ухаживавшего за лужайкой.

Теперь же Кипу представилась возможность понаблюдать за братом с сестрой, оставаясь незамеченным. Девочка полезла в яму, вырытую среди корней большого дерева. Раньше Кип не замечал яму, потому что она была засыпана листьями. «Надо будет стрести всю листву», – отметил для себя Кип. Яма оказалась неглубокой: когда Пенни встала на дно, голова осталась над землёй. Алистер тут же принялся засыпать сестру листьями, сталкивая их ногами, пока те полностью не покрыли девочку.

– Алистер, я больше не хочу играть в эту игру, – попросила Пенни. Очки сползли ей на нос, и она вертела головой, чтобы водрузить их на место без помощи рук.

– Это совсем новая игра! – сообщил Алистер, сложив руки за спиной и стоя над ямой, как надзиратель. – «Сладость или гадость» называется. С первой частью ты уже справились. Теперь следующий шаг. В одном кармане у меня кулёк с конфетами, а в другом... – Алистер картинно крутнулся вокруг своей оси. – А в другом... нечто страшное!

Пенни пискнула от ужаса и с мольбой посмотрела на брата.

– Я выбираю конфеты, – произнесла она тоном, который скорее предполагал вопрос.

Алистер отошёл от края ямы.

– Ну ты и глупая. Ты должна выбрать правый или левый карман. А то, что будет в кармане, ты должна будешь съесть.

Кип не мог сказать наверняка, но чутьё подсказывало ему, что независимо от того, какой карман Пенни выберет, она проиграет. Лицо малышки стало сама сосредоточенность: она пыталась отгадать, где конфеты.

– Мне кажется... мне кажется, в левом, – наконец решилась она.

– Итак, ты выбираешь левый!

Алистер засунул руку в левый карман и вытащил полную горсть каких-то тёмных, длинных, похожих на шнурки штук. Выигрыш свисал между пальцами, медленно извиваясь.

Кип достаточно работал на земле, чтобы понять, что достал Алистер.

– Черви, – тихо сказал он сам себе.

Пенни взвизгнула, подтвердив его догадки. Алистер держал извивающийся приз у сестры над головой.

– Давай-ка посмотрим, кто из них первым доберётся до тебя, – изрёк Алистер и с заметным удовольствием высыпал дождевых червей на край ямы.

Пенни, до этого честно соблюдавшая правила игры, не выдержала.

– Выпусти меня! Выпусти меня, Алистер! – заверещала она, дико вертя головой, чтобы расплзающиеся во все стороны черви не добрались до неё. И вдруг девочка закричала по-другому, с неподдельным страхом, да таким, что растерянность появилась даже на лице Алистера. – Ноги! Ноги! Они схватили меня за ноги! Помогите!

– Да у тебя истерика! – заявил Алистер. – Я же вижу, что червячки ещё и под листья не пролезли. – Он нагнулся и двумя пальцами поднял извивающееся тельце. – Давай так: ты съешь одного червяка, и я тебя отпущу.

Но Пенни его не слышала. Она кричала о том, что червяки обвили ей ноги. Братец же, не упуская возможности, поднёс червя к открытому рту сестры.

Больше наблюдать за этой сценой Кип не мог. Схватив костыль, его Мужество, он выскочил, сильно хромая, из укрытия.

– А ну отпусти её! – крикнул он на ходу.

Алистер медленно обернулся на голос. И расплылся в неопишемом удовольствии.

– Да это же наш новый садовник! То-то, я думаю, запахло дерьмом!

Не обращая внимания на его слова, Кип приближался. Алистер сделал шаг, чтобы оказаться между Кипом и сестрой. Теперь двух мальчиков отделяло расстояние не больше метра. Вблизи Алистер казался ещё выше и толще. Кип проглотил комок в горле, собрался с духом и выдал:

– Отпусти её! Она не сделала ничего плохого!

– А то что? – Алистер отбросил червяка в сторону. – Одно слово маме, и она вас вышвырнет, как котят, сироты вонючие.

– Я не сирота! – воскликнул Кип. – А ты издеваешься над слабыми!

Щёки у него пылали, свободная рука сложилась в кулак. Слова не помогут – придётся драться. Конечно, боец из Кипа был так себе, но всё же кое-какой опыт он имел и несколько правил драки знал. Правило номер один: нападай первым – так точно успеешь как следует вмазать хоть раз, а дальше уж как пойдёт... Правило номер два: укуси себя за язык, да посильнее, и бросайся в бой. Тогда, когда начнут бить, боль не особо удивит. И правило номер три, самое важное: как можно скорее уравнивай условия – свали соперника на землю. Если сцепиться на земле, то одна нога не такая уж помеха. Честно говоря, эти приёмы ни разу не помогли Кипу одержать победу в драке, но они всегда помогали ему проиграть с наименьшим ущербом.

Кип отбросил костыль и, рухнув на мокрую траву, скатился Алистеру в ноги. Тот не удержался и, падая, дико заорал. Кип старательно лупил по самым болючим местам: по почкам, под рёбра, под колени. Почти сразу Кипу стало ясно, что его соперник, хоть и выглядит

внушительно, понятия не имеет о приличной драке. Он пару раз вяло стукнул Кипа по спине между лопаток, пнул по локтю, а затем стал рвать на нём волосы и кусаться за уши.

Пенни голосила в яме, а мальчишки катались по мокрой траве, сцепившись в остервенёлой драке. Треск, раздавшийся от прямого попадания головой по переносице Алистера, вполне удовлетворил Кипа. Ему самому хлынула в глаза кровь, голова затряслась, но Алистер так взвыл и схватился руками за лицо, что сомнений не оставалось: удар попал в цель. Кип ухмыльнулся: да он же побеждает в этой схватке!

Вдруг кто-то схватил его за руку.

– Пусти его! – закричала Молли, пытаясь разнять дерущихся. – О чём ты только думаешь!

Кип далеко не сразу понял, что обращается она не к Алистеру, а к нему. Сестра метнула взволнованный взгляд в сторону дома. К ним почти бежала Констанция Виндзор. Первым делом она бросилась к Пенни и вытащила её из ямы. Малышка крепко обвила её за шею и не хотела отпускать.

– Что здесь происходит? – потребовала объяснений хозяйка.

Алистер кое-как поднялся с земли и доковылял до матери.

– Всё этот калека начал! Набросился на меня и убить хотел!

Констанция переводила взгляд с одного мальчишки на другого. Оба извалялись в грязи, перемазали одежду травой, тяжело дышали, а у Алистера ещё и лицо было в крови.

– Это правда? – вопрос был адресован Кипу.

Тот, по-прежнему лёжа на земле, смотрел на неё и не в силах был отрицать свою вину. Но тут заговорила Молли:

– Простите, мэм, но ваш сын лжёт. Я всё видела. Мой брат защищался, как сделал бы любой на его месте.

Кип в смятении посмотрел на сестру. Если она и правда всё видела, то прекрасно знает, что он напал первым.

– Не слушай её, мама! – загнусавил Алистер, прикрывая разбитый нос. – Она его выгораживает. Спроси Пенни – она видела!

Но Алистеру не повезло: Пенни сквозь слёзы пыталась рассказать, как страшно червяки кусали её за пальцы на ногах.

– Ты издеваешься над маленькими девочками и беззащитными калеками? Я всё расскажу отцу!

Алистер только усмехнулся и полез в карман за кульком с конфетами.

– И что он мне с-с-сделает? Н-н-накажет меня? – спросил он, намеренно заикаясь.

Мать выдернула у него из рук кулёк с конфетами. Вся она была как сжатая пружина.

– Уважай отца! – сухо произнесла она. – Немедленно в свою комнату!

Кип даже подумал, что она ударит сына. Алистер отвернулся от неё, красный как рак, и, наградив Кипа угрожающим взглядом, удалился. Констанция повернулась к Кипу. Молли показалось, что она хочет извиниться, но ничего подобного не произошло.

– Закопай яму. Не дай бог кто-нибудь в неё свалится и ушибётся.

Следующие слова были обращены к Молли:

– А ты почему не на кухне?

После этого Констанция молча отвернулась и с Пенни на руках пошла в дом. Молли подняла с земли костыль и подала его Кипу:

– Мы и недели не проработали, а ты уже дерёшься с молодым хозяином. Пообещай, что это не повторится. О чём ты только думал?

О чём он думал? Вот, значит, как! Да он поступил так, как она сама его учила. Сколько он себя помнил, Молли его защищала от других детей. Раз в неделю сестре приходилось за него вступаться. Теперь Кип ровно то же самое сделал для Пенни, а сестра почему-то в бешенстве!

Кип не взял костыль. Он сам встал на здоровую ногу, которая болела и подгибалась от слабости.

– Ну и не врал бы, будто видела драку, – бросил он, задыхаясь.

– По-твоему, я должна была сказать хозяйке, что её сына поколотил мальчишка в два раза меньше ростом? – Молли попыталась свести ситуацию к шутке, но Кип даже не улыбнулся. Сестра вздохнула. – Кип, я сказала это, чтобы защитить нас. Это же просто такая история.

– Просто история? – Мальчик смотрел ей прямо в глаза, не отводя взгляда. – А если другому человеку что-то говорят и он верит, это тоже просто история?

Кип взял у Молли костыль и поковылял к конюшне. После драки на него навалилась усталость, ноги дрожали. Возбуждение от победы сменилось мрачной тоской.

8

Хозяин дома

Хотя Молли несколько преувеличила, описывая свои навыки ведения домашнего хозяйства, она делала всё возможное, чтобы хорошо себя показать. Всю первую неделю она скребла, чистила и мыла особняк Виндзоров. И даже придумала для себя своеобразную игру: предугадывать малейшие пожелания хозяйки, чтобы выполнить их ещё до того, как они прозвучат. Надо сказать, в этом деле ей значительно помогала Пенни, которая, как маленький шпион, доносила информацию о том, что в графине закончилось вино, а из открытого окна дует. К концу недели Молли явно преуспела и поняла, что усилия не напрасны: хозяйка трижды по разным поводам – трижды! – сказала ей «спасибо».

И вот днём в пятницу появился мистер Виндзор. Заслышав приближающийся экипаж, Молли бросила стирку и позвала брата. Они бросились к парадному входу, чтобы встретить хозяина. Девочка прекрасно понимала, насколько важно сразу понравиться главе семьи, а если он хоть немного похож на жену, задача будет не из лёгких.

Молли с Кипом навтыжку встали у крыльца, чтобы походить на настоящих слуг. На них была свежая, хоть и мешковатая одежда и начищенные ботинки. Молли даже заставила брата умыться как следует, и теперь он сиял чистотой, хотя за ушами всё-таки осталась грязь, а на шее красовалось несколько следов от укусов Алистера. Девочка не определилась, то ли надо наказать брата за драку, то ли гордиться им. Наверное, родители бы тоже разделились: мама восхитилась бы смелостью Кипа, а папа расстроился бы из-за его горячности. Эта мысль вызвала у Молли улыбку. А затем ей стало грустно.

Экипаж прогрохотал по дорожке и остановился у парадного входа. Человек, слезший с места кучера, удивил Молли. Некогда широкие плечи были понуро опущены. Подбородок на круглом лице выглядел безвольным. Даже усы висели безжизненно. Как у остальных членов семьи, на очень бледном лице выделялись чёрные глаза, которыми он беспрестанно моргал, будто всё время опасался неожиданного удара. И Молли сразу стало ясно, почему Алистер пропустил угрозы матери мимо ушей: мистер Виндзор выглядел совершеннейшим размазнёй.

– Мы ждали тебя на несколько часов раньше! – воскликнула Констанция, выбегая навстречу мужу. С самого утра её волнение по поводу прибытия мужа нарастало. – Какие новости?

– П-п-прости, дорогая, я п-п-поздно выехал из города.

Мистер Виндзор заметно заикался. Он постучал ботинками по крыльцу, чтобы сбить грязь.

– И дороги – сплошное болото с понедельника. Д-д-думаю, если дальше так пойдёт, нас к Пасхе вообще з-з-затопит.

Он взглянул на жену – наверное, в ожидании улыбки, но реакции не последовало.

– Как прошли встречи? С пользой? – спросила она.

Но Виндзор не расслышал супругу и повернулся к Молли и Кипу.

– Б-боже мой! – воскликнул он. – Что с-с-стало с моими детьми? Вы не похожи на В-в-виндзоров.

Молли восприняла слова хозяина как шутку и поприветствовала его учтивой улыбкой.

– Алистер и Пенни наверху. Они одеваются к обеду. Меня зовут Молли, а это мой брат Кип.

– Мы прислуга, – добавил Кип, поклонившись настолько низко, насколько позволял костыль.

Молли взяла у капитана Виндзора пальто и шляпу. От одежды шёл застарелый запах табака и эля.

– Стол почти накрыт к обеду, сэр.

– О, провизия! – Капитан Виндзор всплеснул руками и довольно потёр их. – Нет ничего лучше горячего обеда после долгого путешествия. Только горячий обед после короткого путешествия. – Он повернулся к супруге и предложил ей локоть. – Прошу вас, дорогая.

Госпожа Виндзор закатила глаза и зашла в дом, проигнорировав жест мужа. Бертран Виндзор смущённо улыбнулся Молли и посеменил вслед за женой, на ходу вспоминая шутку про черепаху и зайца.

Молли с братом переглянулись.

– Вроде он не грозный, – сказала девочка.

Кип хмыкнул:

– Да уж, грозный, как жук навозный. Я бы пожал ему руку, да боюсь, он в обморок от страха хлопнется. – Кип проковылял к экипажу, сел на козлы, взял поводья. – Этот мир долго не протянет, если такого человека звать хозяином.

Щёлкнув поводьями, Кип направил лошадь к конюшне.

Следующие полчаса Молли занималась приготовлением обеда. Помешивая содержимое кастрюль и сковородок, она думала, как несправедливо Кип отнёсся к мистеру Виндзору. Уж кто-кто, а её брат по себе знает, что такое презрение.

На стол она подала подгоревшее жаркое и переваренные овощи, но в свете того, сколько работы по дому ей приходилось выполнять, еда была не так уж плоха. Почти весь обед Пенни усердно пыталась наколоть на вилку как можно больше горошин. Алистер, пока не видят родители, таскал из кармана нечто похожее на мятные тянучки и засовывал в рот. Констанцию гораздо больше интересовал бокал с вином, чем тарелка с едой. А Бертран говорил не умолкая, вместо того чтобы есть.

– О, это же твоя национальная кухня! – воскликнул он, когда Молли положила ему отварной картофель.

Девочка улыбнулась и не стала говорить, что с детства ела вовсе не такую картошку, а чёрную и склизкую, полусгнившую. Похоже, Бертран Виндзор не переносил тишину и считал своим долгом украсить трапезу разговорами, поэтому один за другим пересказывал анекдоты, услышанные в городе.

– Один д-д-джентльмен г-г-говорит другому: «Моя жена всё время просит у меня денег. Просыпаюсь утром, а она: «Дай мне пять фунтов!» Прихожу домой, а она: «Дай мне пять фунтов!» В-в-второй у него спрашивает, куда его жена тратит столько денег. А первый отвечает: «Не знаю. Я же ни разу ей не давал». – И капитан Виндзор весь затрясся от смеха.

Пенни отвлеклась от вылавливания горошин в тарелке:

– У Молли истории лучше.

– Очень забавная история, сэр, – с вежливой улыбкой сказала Молли.

Примерно так прошёл весь обед. Бертран Виндзор сыпал остротами и модными словечками, которых нахватался в городе. И чем меньше интереса проявляли члены его семьи, тем сильнее он старался привлечь их внимание. Больше всех нервничала Констанция: она несколько раз пыталась перевести разговор на другую, более содержательную тему. В какой-то момент она не сдержалась и сказала прямо:

– Дорогой, мне бы хотелось послушать новости о банке. Готовы ли они пойти нам навстречу?

– О! Знаешь, что я вспомнил! Однажды два банкира попали в женский монастырь... Как же там дальше? Сейчас вспомню...

– Не вспоминай!

Констанция бросила серебряные приборы на тарелку, поднялась и вышла из-за стола, покинув зал. Дети смотрели на отца, а тот лишь еле заметно улыбнулся.

– В-в-вероятно, у неё несварение.

Резкий уход Констанции не оставил иллюзий: о счастливом воссоединении семейства речь не шла. А вскоре, извинившись, ушли и дети – капитан Виндзор остался за столом в одиночестве. Молли не могла вынести это зрелище и ждала в кухне, пока хозяин доест, а потом вернулась, только чтобы убрать посуду.

Лишь поздно вечером девочка поняла, что так расстроило хозяйку. Она как раз домывала кастрюли, когда до неё долетели обрывки разговора. Молли прислушалась: голоса доносились из шахты кухонного лифта, который вёл в одну из комнат наверху.

– Так вот на что тратят время твои новые партнёры! На глупые анекдоты в кабаках и публичных домах! – говорила Констанция.

– Н-н-ну, не всё время, дорогая. Но эти д-д-джентльмены – они сделаны из другого теста. Они приземлённые создания. Но! Они п-п-первоклассные б-б-биржевые спекулянты. Они как рыба в воде ведут игру на бирже. И п-п-поверь мне, они быстрее всех д-д-других вытащат нас из нашего затруднения, а может, они...

Наверное, на этих словах Констанция и Бертран отошли от шахты подъёмника, потому что голоса исчезли. Как же Молли хотелось больше узнать о причине их разногласий! Тогда она бы поняла, что заставило их переехать в этот старый дом...

Быстро набрав в кувшин воды, девочка ринулась наверх. Если её поймают за подслушиванием, кувшин поможет выкрутиться. За недолгое время службы в доме она успела усвоить, что члены семьи её не замечают, а что может быть лучше? Молли заняла позицию у шкафчика и подливала воду в вазу с полевыми цветами, принесёнными Кипом из леса. Гостиная оказалась как раз у неё за спиной, и через щель в покосившейся двери можно было видеть Виндзоров, увлечённых разговором. Констанция стояла, сложив руки на груди.

– У меня такое чувство, как будто я вообще не твоя жена. Говорю тебе, что не хочу иметь ничего общего с этим домом, а ты не обращаешь внимания. Говорю, что мне не нужны слуги, а ты? Ты присылаешь мне детей. Двоих детей, Берти!

– Но они же работают бесплатно, – весело ответил капитан Виндзор. – А это уже кое-что. – Он положил руку супруге на плечо. – П-п-пожалуйста, верь мне. Всё получится, но н-н-нужно время.

– Ты говорил мне, что времени нет.

– Ты права. Права. – Он подошёл к жене ещё ближе. – Но время всегда можно купить, – прошептал он и убрал руку.

Констанция застыла. Молли нагнулась к самой щели, чтобы рассмотреть выражение её лица. Хозяйка вздохнула и что-то достала из кармашка на платье.

– Пообещай мне, что это закончится, – произнесла она.

Виндзор молча выхватил у неё продолговатый металлический предмет и вцепился в него так, будто ему досталось сокровище. Затем развернулся и вышел в коридор. Молли вжалась в стену в надежде, что за открытой дверью хозяин её не заметит. Бертран Виндзор прошёл прямо мимо неё, и в руках у него был ключ...

9

Комната наверху

– Хорошо, я полежу с тобой.

Молли зашла в комнату Пенни, которая напоминала поле боя: повсюду были разбросаны куклы, деревянные игрушки, мягкие мишки и другие зверюшки. Из-за того что Молли готовила дом к возвращению мистера Виндзора, убрать комнату малышки она не успела. Возможно, до неё дойдёт очередь завтра. На кровати лежали кружевные подушки, а сверху висел муслиновый полог. Разве честно, что у этой семьи есть всё, а у них с братом почти ничего?

Молли облокотилась на подушки, затем откинула тяжёлое одеяло, и Пенни – расчёсанная и переодетая в чистейшую ночную рубашку – залезла на пуховую перину, а затем перебралась к Молли на колени.

– Расскажи мне ещё о Клеопатре, – попросила она.

За ту неделю, что Молли с братом жили в доме Виндзоров, история на ночь стала ритуалом. В отличие от большинства сверстников, которым в шесть лет не особо хочется отправляться в постель, Пенни не могла дожидаться времени сна, потому что Молли непременно рассказывала ей страшную историю. А в среду малышке так не терпелось приблизить заветную минуту, что она перевела стрелки огромных напольных часов вперёд в надежде лечь спать сразу после вечернего чая.

Молли сняла с девочки очки и положила их на прикроватный столик.

– Хорошо, – неспешно начала она, придумывая на ходу. – Поговаривают, что Клеопатра была ангелом, спустившимся с неба.

– Так вот почему в неё влюбился архиепископ! – обрадовалась Пенни. – А крылья у неё были?

Молли кивнула.

– Но ей пришлось их сбросить, когда она спустилась к нам. Смотри, там, где росли крылья, до сих пор остались следы, – сказала Молли и провела кончиками пальцев по лопаткам Пенни. – Вот тут.

Девочка свернулась калачиком. Молли укрыла её одеялом.

– Слушай дальше о Клеопатре. Когда она пела, голос её звучал так чарующе, что весь мир замирал, бросал дела и слушал её. И где бы человек ни находился, до него доносился перезвон колокольчиков.

– А ты умеешь петь? – спросила Пенни.

Молли покачала головой:

– Нет. Так, как она, не умею.

Малышка вздохнула:

– Мама раньше мне пела. Песенки про принцессу Пенни – про меня. И держала меня за руку, пока я не усну.

Слова девочки удивили Молли: она могла представить хозяйку лишь очень строгой и сдержанной, и никак иначе. Чего только стоит её поведение с мужем за столом сегодня вечером – аж оторопь берет.

– Мама больше не приходит поправить тебе одеяло? – спросила Молли.

Пенни вздохнула:

– После того как мы переехали, она перестала это делать. Только сердится на меня всё время. Ненавижу этот дом! Здесь не с кем играть.

– А брат, маленькая мисс? А я?

Пенни уселась на кровати. Её лицо выражало крайнее возмущение.

– Я же не могу играть с мальчишкой! – выдала она и плюхнулась на постель. – И вообще, Алистер не берёт меня играть – он только издевается.

Молли укрыла Пенни аж до самого подбородка.

– Обещаю, что, пока я рядом, не позволю ему тебя обижать. Договорились?

И Молли скрестила руки на груди, чтобы показать: её слова – не пустые обещания. Взгляд упал на тумбочку возле кровати. За лампой стопкой лежали книги – тонкие и квадратные, в таких обычно больше картинок, чем текста. Обложки все были яркие, а на корешках красовались названия, напечатанные золотыми буквами. Книжки принадлежали одной серии: «Принцесса Пенни и чудовище», «Принцесса Пенни съедает целый торт», «Принцесса Пенни отправляется на Луну», «Принцесса Пенни не хочет спать».

Молли взяла из стопки верхнюю книжку, на обложке которой девочка в очках сражалась с морским драконом.

– Про принцессу Пенни... Совсем как тебе мама рассказывала!

Пенни вскочила на кровати и схватила Молли за руку:

– Не трогай! Тебе нельзя их видеть.

Сначала Молли подумала, что девочка шутит, но та была серьёзна, как никогда.

– Ну что ж, мисс Пенни, как скажете. Все имеют право на маленькие секретки. Но тогда найди тайник получше.

Пенни откинулась на подушки – по её мнению, недоразумение было исчерпано, и она спросила:

– А почему вы с братом уехали из Ирландии?

Молли прекрасно понимала, что малышка хитрит и хочет заставить её рассказать ещё одну историю. Устоять перед такой хитростью было сложно.

– Если честно, я привезла Кипа сюда, потому что мне приснился сон...

– Очень страшный сон? – перебила Пенни, вновь садясь на постели. Говорила она так, будто была уверена в ответе на вопрос.

Но Молли покачала головой:

– Вовсе нет. Мне приснилась маленькая девочка по имени Пенни, которой до зарезу нужна была служанка. Девочка была такая милая и так хорошо себя вела, что я решила всё бросить и поспешила к ней на помощь.

Молли погладила малышку по чёрным волосам, но та отодвинула голову.

– Неправда! – сказала она.

– Истинная правда, мисс Пенни.

Девочка распутывала узелок на волосах.

– Раньше я тоже видела такие сны. А здесь всем снятся только кошмары. Каждую ночь. Маме и папе. И даже Алистеру. Мне слышно из их комнат.

Молли вспомнила собственные сны: в последнее время они тоже стали пугающими и мрачными. Она посмотрела в чёрные глаза своей маленькой хозяйки: не потому ли Пенни так полюбила её сказки на ночь, ставшие чем-то вроде ночника, отгоняющего страхи? А вслух Молли сказала:

– Страшные сны – всего лишь сны. Они же не настоящие и вреда не принесут.

Пенни покачала головой.

– Мне не от снов страшно, – сказала девочка, оглядывая комнату, будто кто-то мог подслушивать. – Я иногда, когда сплю, кое-что слышу. Его слышу.

– Кого его? – еле нашла в себе силы задать вопрос Молли.

Пенни придвинулась ближе и чуть слышно прошептала:

– Ночного человека.

Молли посмотрела на малышку, пытаясь понять, не разыгрывает ли она её. Пенни продолжила:

– Он обходит весь дом, комнату за комнатой, а потом уходит. Я сказала маме, а она не поверила мне и считает, что я всё выдумала. А я не выдумала, потому что иногда по утрам от него остаются следы на полу. Огромные и грязные.

Сердце у Молли готово было выскочить из груди. Она вспомнила грязь, которую приходилось отмывать по всему дому. Вспомнила историю про силуэт в тумане, которую ей рассказывал брат. А если он и Пенни рассказал то же самое, а она просто добавила немного деталей?

– Знаешь что, когда в следующий раз услышишь шаги этого ночного гостя, скажи ему, чтобы ноги вытирал. Я не собираюсь надрываться и всё отмывать, чтобы он снова тут наследил.

Молли встала.

– Не уходи, – попросила малышка, зевая.

– У тебя ещё куча вечеров со сказками впереди.

Молли очень хотела верить, что так и будет. В красноватом свете лампы кожа Пенни поразила её мраморной бледностью. На лице плясали тёмные тени, а чёрные глаза напоминали бездонные колодцы. Молли заставила себя улыбнуться.

– А пока... – сказала она и запела:

*Сладко спать тебе и мне,
Сладко спать нам в Дублине...*

Эту колыбельную пела ей в детстве мама. И сейчас Молли казалось, что она слышит мамин голос, далёкий и тихий, зовущий её из неведомых земель. Молли нагнула голову, чтобы Пенни не видела её лица, и выскользнула из комнаты.

Часы в коридоре пробили девять раз, когда она вышла из спальни Пенни. На укладывание малышки ушло больше времени, чем она рассчитывала, и Кип, наверное, уже давно ждёт под окном. Молли повернула за угол к лестнице и остановилась. За прошедшую неделю она побывала во всех комнатах особняка Виндзоров – во всех, кроме одной: той, на самом верху, за зелёной дверью. Констанция Виндзор сделала вид, будто ключ потеряла, и Молли ей тогда поверила. Но сегодня вечером, подслушивая разговор в гостиной между хозяевами, она узнала, что ключ существует.

Зелёная дверь была открыта. Вернее, приоткрыта: из щели пробивалась полоска серебристого света. Молли посмотрела на окна в коридоре. Там, снаружи, под её спальней ждёт Кип, мёрзнет и может простудиться. Но всё-таки, наверное, у неё есть пара минуток, чтобы заглянуть в комнату. Молли уменьшила огонёк в лампе и на цыпочках направилась к зелёной двери. Внутри кто-то был, издавая странные звуки. Слышался скрежет, ворчание, скрип и шарканье. Звуки были бы пугающими, если бы не были такими смешными. Молли потянулась к дверной ручке, но в тот же миг дверь распахнулась, и показались полы ночного халата. Это был мистер Виндзор. Он выходил из комнаты спиной, согнувшись и волоча за собой огромный полотняный мешок – полупустой, но всё равно выглядевший очень тяжёлым. Содержимое мешка гремело и скрежетало. Молли наблюдала за мучениями хозяина и не знала, стоит ли ей вмешаться. Но всё же тихо позвала:

– Простите, сэр...

Бертран вскрикнул от неожиданности и мгновенно развернулся. И тут же, увидев Молли, резко захлопнул за собой дверь в комнату. На его белом лице читалась паника.

– М-м-молли, это ты! – произнёс он с напускным дружелюбием. – Я д-д-думал, ты спишь.

– Я укладывала Пенни, сэр. – Молли вытянула шею, чтобы заглянуть в мешок, но хозяин закрыл его ещё плотнее. – Выглядит тяжёлым. Давайте я вам помогу.

– Н-н-не надо. Я с-с-сам. Не н-н-напрягайся.

Бертран Виндзор никак не мог попасть ключом в замочную скважину, дважды уронил его. Наконец он запер дверь и вытер пот со лба кончиком ночного колпака.

– Ну вот и слава богу! – довольно сказал он, демонстративно зевая. – День был длинный. И у тебя тоже. Не пора ли нам спать? – «Нам» мистер Виндзор произнёс с такой интонацией, что Молли поняла: идти спать пора ей.

Как бы ей ни хотелось заглянуть внутрь мешка, сегодня на это шансов нет.

– Доброй ночи, сэр, – попрощалась она и поклонилась, потом развернулась и пошла вниз по лестнице, освещая себе путь лампой.

Под окном комнаты её ждал Кип, замёрзший и усталый. На его вопрос «Почему так долго?» она пробормотала, что доделывала дела, и пообещала завтра дать ему на завтрак двойную порцию. Они оба молча переоделись ко сну и залезли в постель. Им двоим, знавшим друг друга лучше, чем самих себя, не нужны были слова.

Кип сопел рядом, а Молли вспоминала встречу с мистером Виндзором. Как же он удивился, наткнувшись на неё в холле! Нет, не просто удивился – он по-настоящему испугался...

10

Следы на полу

Посреди ночи Молли внезапно проснулась. Руки дрожали, вся она была в холодном липком поту, во рту пересохло. Молли попыталась прийти в себя. Ей просто приснился страшный сон – всего лишь сон. Этот сон не был новым: он повторялся каждую ночь с тех пор, как они приехали сюда. Мама и папа держат её за руки и опускают в бушующую пучину. Молли плачет, вода уносит её, а родители исчезают в темноте. Но с каждым разом сон становился всё страшнее. Сегодня волны на воде напоминали холмики возле особняка Виндзоров, сверкавшие в небе молнии – чёрные узловатые корни, а лица у родителей были мертвенно-бледные.

Молли села на постели. Глаза привыкали к лунному свету. Кип ворочался, кашлял во сне: кажется, его тоже мучил кошмар. Он захныкал, тяжело задышал – явно пытался избежать какой-то угрозы. Молли хотела было его разбудить, но подумала, что плохой отдых лучше, чем совсем никакого. Поэтому, убрав с его потного лба прядь волос, прошептала:

– Борись, братишка!

Раздался скрип. Дверь в комнату почему-то оказалась приоткрыта, хотя Молли запирала её на ночь. Девочка завернулась в одеяло и на цыпочках прошла к двери по холодному полу. Тихо затворила её и прислонилась к ней спиной, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Убрала за ухо выбившуюся прядь: в волосах что-то запуталось. Сухой лист.

Молли поднесла его к глазам и посмотрела против лунного света, лившегося из окна. Тонкие изящные прожилки разбегались сеткой от центрального стержня – дерево внутри дерева. На полу в комнате везде валялись листья. Залетели со сквозняком в открытую дверь?

Девочка пошла уже было обратно в постель, когда наступила на что-то странное. Нет, это не был сухой лист. Пальцы оказались в чём-то холодном и мокром. Грязь! Молли наклонилась. На полу был след ботинка. Похожие она отмывала на лестнице вчера утром. Слишком большой, чтобы принадлежать Кипу. Если приглядеться, на полу можно было найти ещё отпечатки, и вели они как раз к её кровати. Молли затрясло. В комнате побывал гость!

В ушах у Молли закололо. Она, боясь пошевелиться, вслушивалась в тишину. Откуда-то сверху донёсся глухой звук: «Бух! Бух! Бух!» Шаги. Молли захотелось скрыться, спрятаться от этой тяжёлой поступи: накрыть голову одеялом, зажать уши руками – и ничего не слышать. Но родители воспитали её иначе. Мама с папой всегда учили: если тебе кажется, что под кроватью сидит чудовище, не ленись встать на четвереньки и проверить. А уж если тебе повезло и в темноте под кроватью притаилось самое настоящее клыкастое и глазастое чудовище, быстренько дай ему одеяло и стакан тёплого молока, чтобы оно не простудилось. Вот потому-то Молли накинула на плечи шаль, вышла из комнаты и отправилась вверх разыскивать таинственного гостя, оставляющего грязные следы.

В коридорах гулял ветер – это сразу привлекло её внимание. Сквозняки в больших домах – не новость, но здесь всё было иначе: казалось, что внутрь ворвался бесшумный ураган. Вроде Молли заперла перед сном все двери и окна, но ведь могла и забыть что-то... Она прикрыла ладонью пламя лампы, чтобы её не задуло, и пошла вверх по узенькой лестнице для слуг. Дверь на первом этаже была распахнута настежь и с громким скрипом открывалась и закрывалась. Рядом вились сухие листья, собирались в хороводы и кружили по полу. В серебристом лунном свете на досках пола блестели влажные свежие следы.

– Кто здесь? – тихо позвала Молли в темноту.

Темнота молчала. Молли откашлялась, чтобы повторить вопрос громче, но не успела: снова донёсся глухой звук шагов. Ходили наверху. Молли не стала трогать дверь. Из головы не шла история Кипа о человеке в тумане. А вдруг брат на самом деле кого-то видел? А вдруг это

бродяга, который хочет ограбить Виндзоров? Интересно, виден ли в темноте огонёк лампы? Молли поставила лампу на буфет и взяла самый увесистый подсвечник – так было спокойнее.

Обеими руками вцепившись в подсвечник и выставив его вперёд наподобие оружия, девочка стала подниматься по ступенькам, ступая тихо-тихо. И вот на последних ступеньках до неё донёлся чуть слышный скрип. Это сквозняком гоняло зелёную дверь, которая вновь была отперта. Молли охватило любопытство. Она направилась к двери, но её остановил другой звук...

Где-то в дальних комнатах разговаривали. Забыв про зелёную дверь, Молли отправилась на разведку. Она обошла по кругу весь коридор и прислушалась: двери были открыты, и в каждой комнате каждый член семьи метался на кровати, бормоча что-то во сне, – их мучили кошмары. Комната Констанции была последней. Возле её двери Молли услышала, как хозяйка что-то бормочет, погружённая в собственный страшный сон. И снова раздались шаги – тяжёлые, медленные. Через щель в двери Молли рассмотрела в комнате силуэт. Силуэт взрослого мужчины.

– Мистер Виндзор, это вы? – собрав всю смелость, спросила Молли.

Шаги замерли. Ветер замер. Сердце у Молли замерло. Она вытерла о рубашку вспотевшую ладонь и покрепче вцепилась в подсвечник. Набрав в грудь воздуха, шагнула к двери.

Ночную тишину разорвал вой. Молли хлестнул порыв ветра, сбив с ног, увлекая по коридору. Она успела прикрыть лицо руками, чтобы защититься от сухих листьев, налетевших на неё, как стая летучих мышей. Громко хлопнула дверь, и в одно мгновение наступила тишина. В полной темноте Молли кое-как поднялась на ноги, всем телом дрожа от испуга. Нашупывая в темноте стену, вышла в вестибюль. Не было ни ветра, ни листьев. Из спален не доносилось ни звука, а входная дверь была заперта. В доме царил покой. Когда Молли спустилась, ей самой начало казаться, что она видела дурной сон.

Она собралась было идти в помещения для слуг, когда краем глаза уловила тёмное пятно на полу. Прямо посреди центрального холла лежал предмет, которого там раньше точно не было. Высокий, давно вышедший из моды цилиндр, чуть примятый сбоку. Вспомнились слова Кипа: «...и высокая чёрная шляпа на голове». Молли присела и подняла цилиндр. Самый настоящий, настоящее не придумаешь – поля влажные от ночного тумана, немного засаленные от времени. Молли медленно перевернула цилиндр, и из него высыпалась к ногам кучка листьев.

Молли смотрела на тихий пустой дом, в котором ещё пару минут назад было полно таких же листьев. Ей не приснилось. А Пенни и Кип говорили чистую правду. Ночной гость существует!

11

Ночные горшки

На следующее утро после приезда хозяина дома Кип отправился на мост, чтобы обновить сломанные доски. Молли пошла его проводить и заодно рассказать о ночном происшествии.

– А ты уверена, что тебе это не приснилось? – уточнил Кип. – Бывают же такие сны, когда кажется, что проснулся, а на самом деле тебе это снится.

– Это был не сон, – ответила Молли, выливая через перила моста в реку содержимое ночного горшка из белого фарфора.

Ещё три таких же горшка ждали на повозке, в которую был впряжён Галилей, и все три полные до краёв ночными испражнениями. Кип поморщил нос. Воняло так, что поневоле с радостью вспоминалась рыбная повозка.

– Я его не видела, но очень хорошо слышала, – пояснила Молли.

Кип свесил с моста больную ногу, совершенно не заботясь о том, что она то и дело касается воды. Он смотрел, как кружится в водоворотах вода, а в его сознании кружилась мысль о ночном госте.

– Ушам нельзя верить, как глазам. Ты что угодно могла за шаги принять.

– Ты сейчас начнёшь думать по-другому. – Молли отошла к повозке и вернулась с поношенным чёрным цилиндром. – Смотри. Он его в дверях обронил.

Сестра протянула цилиндр Кипу, но тот даже не притронулся к нему, а только поднял на неё глаза, сиюсь понять, уж не пытается ли она его разыграть. Молли любила такие штуки: то принесёт крылышко от стрекозы и говорит, что это фея потеряла, то напихает ему в ботинок мха, положит носовой платок и утверждает, что эльф устроил там постель. Но теперь по лицу сестры было видно: она говорит чистую правду.

– Ты сказала, дверь была открыта. Так, может, ветер вешалку с одеждой свалил?

– И наследил тоже ветер?

Кип неопределённо кивнул. Когда он рано утром уходил из комнаты, чтобы вернуться на конюшню, то заметил подсохшие грязные следы на полу. Но сказать наверняка, что это отпечатки подошвы, было нельзя.

– Так, может, это старая шляпа хозяина, – предположил он.

Молли покачала головой:

– Я проверила, он носит котелки, и они больше в обхвате. – Молли присела перед Кипом на корточки и, глядя ему прямо в глаза, спросила: – Помнишь, ты рассказывал, что видел силуэт в тумане?

Кип кивнул. Тогда сестра ему не поверила, но, похоже, она изменила мнение.

– Ты сказал, на нём вся одежда чёрная была. Мне надо знать: он носил такую шляпу?

Кип взял у сестры цилиндр и провёл пальцем по краю поля. Ткань была потрёпана, а пахло от шляпы так, будто она долго пролежала под землёй.

– Да я точно не скажу, – ответил Кип и вернул сестре цилиндр. – Темно ж было. – На самом деле Кип тогда видел именно такой цилиндр, но пока не знал, нужно ли признаваться в этом. В глубине души ему казалось, что произнеси он это вслух, и всё сразу станет по-настоящему. Кип посмотрел на сестру. – А если ночью кто-то приходил, то зачем, ты как думаешь?

Молли пожала плечами:

– Не знаю. Искал деньги. Или украшения. Только... – Она помолчала. – Ещё кое-что есть. Я когда пришла наверх, все спальни были открыты и все члены семьи... они метались по постелям, им снились кошмары. – Молли пристально посмотрела на брата. – И с тобой было то же самое.

Кип выровнял между пальцами гвоздь и забил его в новую доску. Всю ночь его мучил кошмар, из которого он никак не мог вырваться. Обычно Кип видел себя во сне героем, спасающим людей из бурных рек и горящих домов. Но как только они приехали к Виндзорам, сны его изменились.

– Мне снилось, что взрослые мальчишки пинают ногами бродячую собаку. Я их отогнал, а собака оскалилась, бросилась на меня и вцепилась мне в ногу, в левую ногу.

Кип посмотрел на больную ногу, безжизненно болтавшуюся над водой.

– Эта собака меня не отпускала. Я звал на помощь, а мальчишки только смеялись. Собака рвала с меня кожу и мясо, пока не осталась голая кость.

Кип вздрогнул: голоса, науськивающие собаку, вновь зазвучали у него в голове. Он стукнул молотком по следующему гвоздю, отчего тот согнулся.

– А тебе что снится, Молли? Тоже кошмары? – спросил Кип, вытащив гнутый гвоздь и примеряя новый.

Молли смотрела на поток воды.

– Ага, – кивнула она.

– Про что? – Кип внимательно смотрел на сестру, надеясь найти подсказку в выражении лица.

– Да ни про что, – ответила та, давая понять, что больше расспрашивать не имеет смысла.

Кип вгляделся в особняк за спиной сестры. Сколько всего странного в этом месте! И всё не к добру. Лес, в котором царит тишина. Неестественно бледные хозяева дома. Таинственный ночной грабитель. Огромное дерево. Если по дому и правда кто-то шастает ночью, не отправиться ли ему спать на конюшню, как приказала хозяйка?

Кип опёрся на костыль и поднялся.

– Молли, я знаю, что ты изо всех сил стараешься, чтоб нам хорошо было. Но если здесь опасно, давай уедем?

– А куда? Назад в город? Где ни дома, ни еды?

Кип понимал: сестра права.

– Если бы мама с папой были здесь, они бы знали, как поступить. Жалко, их здесь нет, – ответил он, собирая инструменты.

Молли сжала челюсти и, не отрывая взгляда от течения реки, ответила:

– Их нет с нами, Кип. И нечего талдычить своё «если бы».

– А то, ты думаешь, я не понимаю?

Взяв ящик с инструментами, Кип поковылял к повозке. Конечно, зря он припомнил родителей. Молли хотела их видеть не меньше, чем он. Но родителей рядом нет, и ничего с этим не поделать.

– Забудь, что я сказал.

– Не обижайся, Кип! – крикнула Молли ему вслед.

– Я не обижаюсь, – ответил мальчик, водружая свою ношу на повозку.

Рука Молли легла ему на плечо.

– Хорошо, что ты помнишь их, Кип. Родители не сказали нам, как жить дальше. Но мы ведь можем... мы ведь можем у них спросить?

– Это ещё как?

Кип обернулся. Похоже, Молли говорила совершенно серьёзно. Сестра скользнула взглядом по цилиндру, который всё ещё держала в руках. На лице её появилась гримаса, будто она не хочет произносить вслух то, что сейчас прозвучит.

– Напишем им письмо. – Она еле заметно улыбнулась. – Я напишу. Ты буквы плоховато знаешь.

Кип прислонился к повозке. Похоже, сестра разыгрывает его.

– Но они же в море! Мы даже не знаем, где именно. Молли пожала плечами:

– Ну и что. Передадим морскому почтальону. А он быстро доставит наше послание. Или законопатим в бутылке и пустим по реке, как Робинзон Крузо сделал. Помнишь, я тебе рассказывала? – Молли взяла руки брата в свои. – Не забывай, братишка, мы можем рассказать им всё, что у нас на душе. И как мы скучаем.

Кип сразу почувствовал себя не таким одиноким. Конечно, если написать письмо, родители рядом не материализуются, но это будет лучше, чем ничего.

– И тогда им будет легко нас найти, когда они высадутся на сушу, – сказал он вслух.

– Вот именно! – обрадовалась Молли.

Улыбка старшей сестры всегда была очень заразительной, и уже через мгновение Кип, не отдавая себе отчёта, тоже расплылся в улыбке.

– У меня кое-что для этого есть! – заявил он и извлёк из кармана штанов сложенный вчетверо листок бумаги. На одной стороне была напечатана реклама металлического протеза, который изобрёл какой-то доктор. – В городе нашёл. Одна сторона вся в буквах, а другая – чистая. Я себе эту бумажку оставил, чтобы буквы учить, но, наверное, так от неё больше пользы будет. – И Кип, улыбнувшись, пожал плечами.

Молли взяла у брата листок, пробежала текст глазами и посмотрела так, что Кип не смог понять, о чём же она думает.

– Кип, этот лист... Он не пойдёт для письма.

Прежде чем Кип успел среагировать, сестра порвала лист надвое и бросила в реку.

– Давай так: на закате встречаемся в конюшне. Я принесу горячей еды, и мы напишем правильное письмо.

Кип кивнул, а Молли крепко-прекрепко его обняла.

– Эй, ты же руки после горшков не помыла! – возмутился Кип.

Молли чмокнула его в щеку и побежала к дому. А Кип, взяв под уздцы Галилея, поковылял к конюшне. Сердце у него готово было выпрыгнуть из груди. Они свяжутся с мамой и папой. И всё станет хорошо.

12

Канцелярский прибор

Солнце никак не садилось, хотя Кип очень ждал. Остаток дня он рвал в саду сорняки и думал, о чём бы рассказать родителям. Мысли так увлекли его, что он незаметно для себя выполол почти половину грядок.

Кип нагрузил повозку, и они с Галилеем вывезли сорняки на край сада: куча получилась почти с Кипа ростом. Высохнуть трава ещё не успела, поэтому пришлось плеснуть на неё немного масла из лампы, чтобы занялся огонь. От сырой травы поднимался в весеннее небо столб густого дыма, напоминая Кипу о том, как у них в Ирландии горят торфяные болота. Он представил, что где-то на другом конце света мама с папой тоже развели огонь. Интересно, есть ли печи на кораблях? Ведь как-то морякам надо согреться... Кип стоял, гладил Галилея и смотрел, как догорают последние стебли, пока на земле не остался только седой пепел.

Когда он вернулся в конюшню, там никого не было. – Молли? – позвал Кип.

– Я здесь, – раздался голос откуда-то сверху.

Кип вышел на улицу и задрал голову: сестра сидела на крыше, свесив вниз ноги, и махала ему рукой:

– Крыша – лучшее место для писем: на свежем воздухе слова вылетают, как птички.

Кип обошёл конюшню. У задней стены под водосточным жёлобом стояла большая дождевая бочка. Положив на землю костыль, Кип вскарабкался на бочку. А затем сначала встал на подоконник, потом уцепился за водосток и, наконец, подтянулся за руку Молли – и вот он тоже на крыше.

– Правда здесь гораздо лучше? – спросила Молли. Кип не стал спорить. Отсюда, с вершины, он мог наблюдать за лесом, как король за своими владениями. Он посмотрел на серебристые верхушки деревьев, на Молли, чья кожа и волосы отливали золотом в лучах закатного солнца. И улыбнулся. Сестра всегда знала, как сделать его капельку счастливее.

Молли развязала полотняный узелок, который принесла с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.